

Николай Николаевич Непомнящий
100 великих тайн советской эпохи
Серия «100 великих (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653772
100 великих тайн советской эпохи : Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2424-7, 978-5-4444-8251-3

Аннотация

Советская эпоха – это не только время становления советского государства, его побед и свершений, роста его могущества, культурного развития и научного прогресса, это еще и время неслыханных репрессий, гуманитарных и техногенных катастроф. Этот необычайно напряженный исторический период оставил потомкам множество до сих пор не объяснимых событий и фактов.

О самых известных тайнах и загадках советской эпохи рассказывает очередная книга серии.

Содержание

Сгоревшие в огне революции	5
Почему расстреляли Колчака?	5
Загадка гибели Чапаева	9
...И некий Сосо-интеллигент	12
«Безумный террорист» Камо	14
След кровавый стелется...	17
Анархия батьки Махно	21
Своей ли смертью умер Яков Свердлов?	25
Правда о Петьке – порученце Чапая	29
Путь на красную Голгофу	31
Убийство не худшего из чекистов	34
Он шел на Одессу, а вышел к Херсону	37
Кто «заказал» Ильича?	40
Циолковский в подвалах Лубянки	43
Дело 26 бакинских комиссаров (в двух версиях)	46
Уход великих: Николай Гумилёв	51
Пуля для полпреда Воровского	55
Отстрел «неуправляемых»	58
Гибель Фрунзе – кому это было выгодно?	62
Роковой диагноз Бехтерева	65
Пропавший архив Ленина	68
Интриги вокруг умирающего Ленина	71
Оккультный отдел НКВД	75
Исчезнувшая казна азиатской дивизии	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Николай Николаевич Непомнящий

100 великих тайн советской эпохи

© Непомнящий Н. Н., автор-составитель, 2014

© ООО «Издательство „Вече“», 2014

Сгоревшие в огне революции

Почему расстреляли Колчака?

Не случись революции, Александр Васильевич Колчак, несомненно, стал бы гордостью России как полярный исследователь, ученый, флотоводец...

Весной 1899 года известный полярный исследователь Э. В. Толль комплектовал экспедицию для изучения земель к северу от берегов Сибири. Колчак был зачислен в нее гидрологом и метеорологом, прошел подготовку в Петербургской физической обсерватории и в Норвегии. Русская полярная экспедиция летом 1900 года отправилась из Кронштадта на шхуне «Заря». В мае 1901 года, во время зимовки «Зари» на западном побережье Таймырского полуострова, Толль и Колчак за 41 день совершили 500-километровый маршрут на собачьих упряжках. Сдержанный Толль назвал Колчака «лучшим офицером экспедиции». Одному из островов, открытых в Таймырском заливе Карского моря, по предложению Толля было присвоено имя Колчака.

Весной 1902 года Толль с небольшой группой полярников решил пробиться как можно дальше на север. Группа ушла и пропала. Когда экспедиция вернулась в Петербург, Колчак выразил готовность снова идти во льды на шлюпках, а затем на собаках, чтобы разыскать следы группы Толля. В августе 1903 года стало ясно – Толль погиб.

Когда Колчак прибыл в Иркутск, пришло известие о войне с Японией. Он тут же направился в Порт-Артур. Командовал миноносцем, затем батареей морских орудий в крепости. Раненный и тяжелообольной, Колчак оказался в японском плену. Вернулся в Россию весной 1905 года. Его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость».

В 1909 году Колчак отправляется с Балтики в свои последние экспедиции: во Владивосток, а затем – к мысу Дежнева. Современники признают его выдающимся исследователем Севера.

Во время Первой мировой войны Колчак проявил себя как отличный специалист по минному делу.

А. В. Колчак

Летом 1916 года его произвели в вице-адмиралы и назначили командующим Черноморским флотом.

В начале июня 1917 года Колчак прибыл в Петроград, где правые силы уже искали лидера, способного возглавить борьбу за установление в стране «сильной власти». Имеются некоторые свидетельства, согласно которым Временное правительство и, в частности,

Керенский посчитали лучшим решением отправить на время Колчака в США – в качестве морского специалиста. Там он провел около двух месяцев.

Колчак возвращается в Россию. Уже в Японии он узнал, что большевики ведут переговоры с Германией о мире, и расценил сей шаг как предательство интересов России. Он подает прошение принять его на английскую военную службу и получает назначение на Месопотамский фронт. Судьба, однако, готовила ему совсем иное...

На Дальнем Востоке концентрировались русские антибольшевистские силы, поддерживаемые бывшими союзниками России. И в Англии, видимо, решили: Колчак – именно та фигура, которая может их возглавить. Летом 1918 года власть большевиков на огромной территории от Волги до Приморья была свергнута. Это произошло с помощью Чехословацкого корпуса. Возникшие эсеровские правительства в конце сентября объединились. Избранная Всероссийская директория во главе с эсером Н. Д. Авксентьевым обосновалась в Омске. Туда же вскоре прибыл и Колчак.

Омские политические деятели и военные уговаривают Колчака принять пост военного министра правительства Директории.

В армии многие монархически настроенные офицеры и генералы только «терпели» проэсеровскую Директорию, лелея цель установить военную диктатуру. Именно они стали главной силой заговора и переворота, свергнувшего Директорию 18 ноября 1918 года. Есть сведения, что союзные представители в Омске поддерживали их. Власть вручили Колчаку, произведя его в полного адмирала и провозгласив Верховным правителем России. Но по мере успехов армий Колчака, а они, достигнув Урала, уже подходили к Волге, почти все региональные белые правительства признали его Верховным правителем России. В Омске с нетерпением ждали, когда Колчака официально признают союзники. Но этого так и не последовало. Военное счастье изменило Колчаку: на своем Восточном фронте красные начали успешное наступление.

Уже к осени 1919 года омская власть вела войну фактически на два фронта. С запада наступала 5-я Красная армия, на востоке, в тылу, разгоралась партизанская война, руководимая эсерами. В ноябре 1919 года правительство, а за ним и Колчак покинули Омск. Но когда поезд Верховного правителя подходил к Иркутску, оказалось, что город уже в руках Политцентра – органа, совместно созданного эсерами, меньшевиками и большевиками.

По соглашению, заключенному между представителями союзников и Политцентра, Колчак и находившийся при нем золотой запас были переданы Политцентру, а он, со своей стороны, обязался обеспечивать движение союзных и чешских эшелонов на восток. Последнее, что оставалось, – переодеться в солдатскую шинель и затеряться в одном из чешских эшелонов. Но Колчак отверг такой план.

15 января 1920 года чехи его арестовали и передали Политцентру. Чрезвычайная следственная комиссия Политцентра начала допросы, и пока они шли, власть в Иркутске перешла к большевистскому Временному революционному комитету – ВРК. Тем временем к Иркутску приближались сохранившие боеспособность части колчаковской армии под командованием генерала Войцеховского. Они выдвинули ультиматум: если им выдадут Колчака, они обойдут Иркутск. Адмирал отверг это предложение.

Кто отдал приказ о расстреле Колчака? До последнего времени считалось – Иркутский ВРК. Лишь относительно недавно стала известна записка В. И. Ленина заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому для передачи председателю РВС 5-й армии И. П. Смирнову. Вот ее текст: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске...»

Неизвестно, однако, когда записка была написана. По одним данным, в январе 1920 года, по другим – в феврале, после расстрела Колчака.

(По материалам Г. Иоффе, доктора исторических наук)

Загадка гибели Чапаева

Действия Чапаева в сложных ситуациях всегда вытекали из учета реальной военной обстановки. Однако кличка «партизан» пристала к Василию Ивановичу Чапаеву, и о нем наконец узнал сам могущественный Председатель РВС Республики Лев Троцкий, который объявил беспощадную борьбу партизанщине.

Отношения Чапаева с властями к этому моменту испортились настолько, что, несмотря на фронтовые успехи его дивизии, его уже собирались отдать под суд все за ту же «строптивость». И вдруг в расположение дивизии прибыл сам Троцкий. Вызвав Чапаева, он вместо «разноса» вручил начдиву золотые часы «За храбрость». А на следующий день грянул гром: Чапаев получил приказ сдать свою дивизию и принять под командование новую. Как ни жалко было Чапаеву расставаться с бойцами им же созданной дивизии, он подчинился приказу и отбыл к новому месту службы. Но недоброжелатели Чапаева из вышестоящих штабов вознамерились сместить его силой, опираясь на полученный от Троцкого приказ об аресте Чапаева. В расположение 25-й дивизии прибыла специальная группа в сопровождении броневиков, и ее командир потребовал у Чапаева сдать дивизию и отправиться под арест. Неизвестно, как поступил бы Василий Иванович, но его выручили бойцы: окружив прибывших, они пригрозили им физической расправой, если те не уберутся туда, откуда прибыли. Эмиссары Троцкого отступили.

К тому времени исход войны на Урале и в оренбургских степях склонялся в пользу Красной армии. Белогвардейцы и казаки атамана Дутова откатывались к Каспийскому морю, к своему последнему оплоту – Гурьеву. Стремительное наступление 25-й дивизии привело к тому, что образовался разрыв между полками и штабом, который в 20-х числах сентября расположился в станице Лбищенской. Этим и решили воспользоваться белые, чтобы разгромить штаб Чапаева. И вот тут начинаются загадки...

В. И. Чапаев

Первая – каким образом командование белых узнало об отставании штаба Чапаева от основных сил дивизии?

Вторая – как казачьему корпусу численностью в 12 тысяч сабель удалось пройти незамеченным по открытой степи, буквально на виду у красных войск?

Третья – по чьему приказу в ночь нападения белых на Лбищенскую были сняты дополнительные караульные посты, выставленные накануне?

Точных ответов на эти вопросы нет, лишь косвенные обстоятельства свидетельствуют о том, что не обошлось без предательства.

Казачьи отряды не брали пленных, и утром, когда закончился бой, в ряд была положена тысяча зарубленных красноармейцев. Остальные или утонули в Урале, или переплыли через него, тем более что их не преследовали. Чапаева среди убитых не оказалось. И по сию пору неизвестно, утонул ли он, раненный, в Урале или в числе немногих перебрался на другой берег, а потом погиб в схватке с каким-нибудь белым разъемом. Таким образом, можно допустить существование сговора между троцкистами в красных штабах и белым командованием, целью которого был не столько разгром 25-й дивизии, сколько уничтожение самого Чапаева.

На основе имеющихся источников попытаемся смоделировать события того времени. К концу августа 1919 года положение дивизии В. И. Чапаева было во много раз хуже, чем обстановка, в которой находилась белая армия генерала Толстова. Вместо наступления на форпост Каленый Чапаев приказал остановиться для отдыха.

Лбищенск атаковал 2-й конный корпус казаков под командой генерала Сладкова в составе двух казачьих дивизий. Казаки двинулись к Лбищенску ночью и утром 4 сентября остановились в урочище Кузда-Гора, в 25 километрах к западу от Лбищенска. Под покровом ночи казаки сквозь слабую охрану проникли в знакомый им город. Одновременно с нападением на заставы около часа ночи казаки открыли ружейно-пулеметный огонь по обозу, забрасывали гранатами квартиры командиров. Бой сразу же принял хаотический характер. После четырех часов боя, с рассветом, белые пустили в ход артиллерию, что окончательно сломило сопротивление красноармейцев. Лбищенск оказался в руках казаков. К шести часам утра отдельные кучки чапаевцев начали пробиваться к реке Урал, чтобы спастись вплавь. Казаки учли эту возможность и подтянули к реке не только пулеметы, но и артиллерию. Белые беспощадно расстреливали бросившихся в воду бойцов. Необходимо отметить, что река Урал находилась в полутора-двух километрах от города. К этому времени Чапаев еще находится на Соборной площади, а вторая казачья дивизия со всех сторон окружила площадь, отрезав красным путь к реке. Как мог Чапаев и группа его ординарцев в этих условиях пробиться к реке, непонятно. Тем более что все командиры, находившиеся на площади, погибли, за исключением Василия Ивановича, который якобы смог уйти к реке.

После взятия города белые учинили жестокую расправу над попавшими в плен бойцами. На местах расстрелов находили множество предсмертных записок на клочках газетной и курительной бумаги.

6 сентября 73-я бригада 25-й дивизии освободила город от белых. В это время были организованы поиски тела Чапаева, но результатов они не принесли. В бане под полом нашли начальника штаба Новикова, тяжело раненного в ногу. Он сообщил обо всем, что произошло в Лбищенске. Факт поисков доказывает, что Чапаев погиб в городе, а не при форсировании реки. В противном случае, зачем его тело необходимо было искать среди погибших на территории города?

...И некий Сосо-интеллигент

Ранняя биография «вождя всех народов» включает в себя тифлисский период – не только революционную деятельность, но и бандитское нападение на кассу с деньгами и провал Авлабарской типографии.

Как стало известно жандармам местонахождение типографии? Официальная версия гласит, что один из них, обследуя 15 апреля 1906 года вверенный ему участок, случайно заглянул в колодец и заметил тайный вход в подпольную типографию, где печатались революционные книги, газеты и прокламации.

Ротмистр жандармского отделения Рунич доносил 23 марта 1901 года о причастности Иосифа Джугашвили к социал-демократическому движению. Он же 4 сентября 1901 года произвел обыск на совместной квартире И. Джугашвили и В. Бердзениева. Короче, Джугашвили был хорошо известен тифлисской жандармерии. А потому обескураживает найденное там же донесение сотрудника полиции Гуровича от 8 апреля 1906 года: «По агентурным указаниям, на общий социал-демократический съезд делегатом из Тифлиса выехали: от группы „меньшинства“ интеллигенты Ной Жордания, Георгий Ерадзе, Калистрат Гагу а... от фракции „большинства“ – Михаил Бочоридзе и некий Сосо-интеллигент».

Почему давно известный тифлисской жандармерии Иосиф Джугашвили вдруг стал «неким Сосо», который неожиданно уехал в Стокгольм за неделю до провала Авлабарской типографии? Скорее всего, губернское жандармское управление (полковник Засыпкин) само способствовало выезду своего агента за рубеж, выводя его тем самым из-под подозрения членов Кавказского комитета РСДРП.

Полковник А. Еремин в своем письме от 12 июня 1913 года начальнику Енисейского охранного отделения Железнякову писал, что «административно высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисскаго Г. Ж. Управления ценныя агентурныя сведения...»

Также весьма интересен сохранившийся в «Деле Енисейского губернского управления» документ – письмо, посланное енисейскому губернатору под грифом «секретно» из Департамента полиции МВД от 18 июня 1913 года: «По рассмотрении Особым Совещанием, образованном согласно ст. 34 Положения о государственной охране, представления С. – Петербургского Градоначальника от 23 апреля сего года за № 9270 о высылке крестьянина Тифлисской губернии и уезда селения Диди-Лило Иосифа Виссарионова Джугашвили, изобличенного в принадлежности к революционной организации, г. Министр Внутренних Дел постановил:

1) выслать Иосифа Джугашвили в Туруханский край под гласный надзор полиции на четыре года;

2) оставить без дальнейшего исполнения состоявшееся о нем 7 июня 1912 года постановление Особого Совещания...

И. об. вице-директора (подпись неразборчива)».

И. В. Джугашвили (Сталин) в молодости

О каком же постановлении Особого Совещания, состоявшегося 7 июня 1912 года, посвященном личности И. Джугашвили, идет речь? Возможно, оно пролило бы свет, но его в фонде нет, как нет и других упомянутых там материалов.

(По материалам Ю. Хечинова)

«Безумный террорист» Камо

Уроженец города Гори Тифлисской губернии, сын местного торговца Симон Тер-Петросян был известен полиции под кличкой Камо.

Самый известный «революционный подвиг» Камо – это так называемый тифлисский «экс». Познакомившись в Петербурге в марте 1906 года с Лениным, Тер-Петросян получил от него задание – закупить и привезти в Россию оружие. Но денег у партии не было.

В 1907 году в Тифлисе произошел самый скандальный случай: вооруженные бомбами боевики напали на казачий конвой, перевозивший деньги в казначейство. Было похищено около 300 тысяч рублей (по нынешним ценам около 5 млн долларов).

Незадолго до этого казначей большевиков Красин узнал о предстоящей отправке казенных денег из Петербурга в Тифлис. Он известил об этом Сталина, тот – Камо, который, переодетый офицером, был послан в Финляндию к Ленину. Снабженный в Финляндии оружием и бомбами, Камо вернулся в Тифлис. За деньгами следили с момента их отправки из Петербурга.

13 июня 1907 года в восемь часов утра в ресторанчике «Тилипучури» на Дворцовой улице встретились товарищи Коба (Сталин) и непосредственный организатор запланированной акции Камо (Тер-Петросян). У обоих были бомбы. Незадолго до полудня кассир и счетчик Государственного банка, сопровождаемые тремя караульными и пятью казаками эскорта, получили на Тифлисской центральной почтовой станции 250 000 рублей ассигнациями, погрузили деньги на двух извозчиков и собрались в обратную дорогу.

Маршрут их пролегал через Соло лакскую улицу и Эриваньскую площадь, где в то время располагался штаб Кавказского военного округа.

На повороте к Сололакской улице «неизвестные злоумышленники» бросили три бомбы в сопровождающий конвой. Первым снарядом разбило кузов фаэтона и выбросило на мостовую кассира. Казаки конвоя получили тяжёлые ранения... По рассказам очевидцев, «злоумышленники, пользуясь общей паникой... схватили мешок с деньгами и скрылись неизвестно куда. От взрывов снарядов выбиты стекла домов и магазинов по всей Эриваньской площади...»

На вырученные средства планировалась закупка крупных партий оружия, которое предполагалось доставлять в Россию морским путём через Одессу. В конце августа 1907 года Камо выехал в Европу по фальшивому паспорту, выданному на имя австрийского подданного Дмитрия Мирского. Уже 17 октября Камо с нелегальным грузом появился в Берлине, где поселился по адресу: ул. Эльзасштрассе, 44.

Он и в Германии продолжал заниматься нелегальными закупками оружия – приобрел, например, 50 маузеров со 150 патронами к каждому стволу для дальнейшей переправки в Россию. Но по доносу провокатора Житомирского, занимавшего видное место в заграничной организации большевиков, 9 ноября 1907 года немецкая полиция провела обыск на берлинской квартире Камо. Там было найдено большое количество оружия, а также чемодан с двойным дном, заполненным взрывчаткой. Похождения кавказца не на шутку разозлили полицию многих стран Европы, и осенью 1907 года его арестовали в Берлине. Желая избежать экстрадиции, артистичный армянин полтора года в германской тюрьме симулировал буйное помешательство. Он делал это так искусно, что сумел озадачить врачей. Когда прокурору сообщили о том, что Тер-Петросян, которого уже перевели в Гербергскую лечебницу, избил надзирателей, сбросил на пол посуду и начал буйствовать, прокурор счел нужным посоветовать директору лечебницы испытать на преступнике более жесткие меры.

С. А. Тер-Петросян (Камо)

Директор лечебницы распорядился посадить Тер-Петросяна на семь дней в холодный подвал, куда пациент и был отведен в одном белье и босой. Но арестант как будто не чувствовал холода. Он целыми часами стоял у стены, неподвижный, как статуя. Директор лечебницы не мог допустить, чтобы нормальный человек мог выдерживать холод так равнодушно, и сделал вывод, что Камо – сумасшедший.

В качестве неизлечимого больного Камо в конце 1909 года был выдан России. Там его предали военному суду и заключили в тифлисский Метехский замок.

В Метехском замке Камо провел еще около полутора лет. Только когда его признали безнадежно помешанным, Камо был переведен в психиатрическую больницу при тюрьме, откуда и бежал. В трюме парохода Камо добрался до Франции. Затем вернулся на Кавказ.

10 января 1913 г. он был арестован в Тифлисе при подготовке очередной экспроприации. Тогда экспертиза признала его абсолютно здоровым. Преступления, совершенные Камо, были настолько многочисленны и опасны для общества и государства, что ему было не избежать виселицы. Но по случаю трехсотлетия дома Романовых власти объявили амнистию и смертный приговор Камо, вынесенный окружным судом, заменили двадцатью годами каторги. Видный борец с царизмом встретил 1917 год в харьковской каторжной тюрьме. Его освободила Февральская революция.

Он устанавливал советскую власть в Баку, а в конце мая 1920 утомился и решил заняться самообразованием. Приехал в Москву, учился в Военной академии, работал в системе Внешторга. После Гражданской войны Камо вернулся в Тифлис, служил в Наркомфине Грузии.

14 июля 1922 года в Тбилиси он ехал по улице на велосипеде и попал под колеса грузовика, принадлежавшего местной ЧК. Автокатастрофа, оборвавшая его жизнь, была странным происшествием – едва ли в городе нашлось бы больше десятка автомобилей.

(По материалам Лианы Минасян)

След кровавый стелется... Как погиб «украинский Чапай»?

Николай Щорс принимал участие в Первой мировой войне. В 1918 году им был организован красный партизанский отряд, а уже через месяц он стал командиром объединенного отряда. К заслугам Щорса можно отнести создание 1-го Украинского советского полка. Командуя этим полком, воевал против гетманцев, немцев. В том же году освобождал украинские города от Украинской директории, стал членом партии. Когда к власти пришло Временное рабоче-крестьянское правительство, Щорс стал комендантом Киева.

В 1919 году Николай Щорс боролся против петлюровцев, освободил множество городов. В августе 1919 года начал командовать 44-й стрелковой дивизией, благодаря которой помог эвакуации Киева.

30 августа 1919 года Николай Щорс был убит.

Ветераны-щорсовцы долгое время собирали материалы об обстоятельствах гибели Н. А. Щорса:

«Летом 1919 года войска Красной Армии на Украине, сражавшиеся против петлюровцев и белополяков, понесли тяжелые утраты.

...Многим бойцам, командирам и политработникам I (44-й) дивизии сразу же показались странными и загадочными обстоятельства гибели товарища Щорса, и в тот же день смерти начдива, 30 августа, в дивизии, в 12-й армии и по всей Украине возникло две версии об обстоятельствах гибели Щорса, а именно:

1) Первая, официальная версия, согласно которой Щорс был убит неприятельской (петлюровской) пулей на первой линии огня в момент боя с петлюровцами.

2) Вторая версия, упорно утверждавшая, что Щорс убит предательски, „своими“, что убили Щорса враги партии и Советской власти, троцкисты-меньшевики, пробравшиеся на командные посты в 12-й армии и невзлюбившие Щорса за его прямоту, честность, твердость и верность политике Ленинской большевистской партии, за то, что Щорс выступал против троцкистов».

Наконец, 40 лет спустя после смерти Щорса, в 1958 году, появилась новая, третья версия о гибели Щорса: «Да, Щорс убит своими, но не троцкистами, а честными большевиками. Щорс был плохим командиром, он не выполнял боевых приказов командования 12-й армии, поэтому командование и Реввоенсовет 12-й армии, не имея возможности в сложной боевой обстановке фронта официально отдать строптивного начдива под суд, дали секретное указание застрелить Щорса, что и было выполнено».

Обратимся к событиям той далекой поры.

30 августа 1919 года в середине дня начдив Щорс, его заместитель Дубовой и политинспектор Реввоенсовета 12-й армии Танхиль-Танхилевич выехали на автомобиле из г. Коростень, где находился штаб дивизии, на передовые позиции. Вечером того же дня, 30 августа, на том же автомобиле Дубовой и Танхиль-Танхилевич возвратились в г. Коростень в штаб дивизии и привезли с собой тело мертвого Щорса. Следовательно, очевидцами и свидетелями драмы были два человека: Дубовой и Танхиль-Танхилевич. Но политинспектор Танхиль-Танхилевич остался почему-то в тени и быстро и молча уехал в штаб армии, а единственным очевидцем обстоятельств гибели Щорса оказался Дубовой.

Дубовой несколько раз нарочито обращает внимание людей на три следующие факта:

- 1) В момент смертельного ранения Щорса около него лежал только Дубовой;
- 2) Поразила Щорса пуля из петлюровского пулемета и что
- 3) «пуля попала в левый висок и вышла из затылка».

Почему-то Дубовой в своих рассказах на протяжении 30 лет не вспоминал, что кроме него рядом со Щорсом в момент его смертельного ранения находился еще один очевидец, представитель командования 12-й армии Танхиль-Танхилевич.

Н. А. Щорс

Целый ряд бойцов и командиров утверждают, что в момент смертельного ранения Щорса пулемет противника молчал и по всему фронту велась лишь ружейная перестрелка. Что касается заявления Дубового, что «пуля попала Щорсу в левый висок и вышла в заты-

лок», то до последних лет все верили, так как нелепым было бы допустить, что Дубовой мог ошибиться, спутать первое и второе отверстие на сквозной ране и не отличить входного отверстия хода пули от выходного отверстия.

После смертельного ранения Щорса Дубовой тут же на поле лично сам забинтовал голову уже мертвому Щорсу. Намотал бинта много, и повязка получилась слишком беспорядочная и неаккуратная. Прибежавшая к месту происшествия медицинская сестра Богунского полка Анна Анатольевна Розенблюм хотела заново и более аккуратно перебинтовать Щорса, но Дубовой отстранил ее и запретил произвести перебинтовку простреленной головы Щорса.

Прибыв с передовой позиции с телом мертвого Щорса в штаб дивизии в город Коростень, Дубовой, как заместитель начдива, принял на себя, согласно воинскому уставу, командование дивизией и приказал немедленно положить тело Щорса в гроб и закрыть его, против доступ к телу и его осмотр. По приказанию Дубового тело Щорса без медицинского вскрытия, без обследования и составления соответствующего акта немедленно было отправлено в глубокий тыл для погребения.

Под предлогом сохранения морального боевого духа бойцов дивизии, факт смерти Щорса некоторое время держался в секрете и тело мертвого начдива поспешно, с нарушением законных правил и воинских уставов и традиций, без массового публичного прощания тайком было вывезено из штаба и расположения дивизии подальше в тыл.

Политинспектор Реввоенсовета Танхиль-Танхилевич вел себя как-то необычно, спокойно и в тот же день исчез из штаба и расположения дивизии, уехав в штаб 12-й армии.

Подозрения о загадочной смерти Щорса продолжали нарастать. И вот группа командиров 44-й дивизии подает в Чрезвычайную комиссию Украины письмо-просьбу провести тщательное расследование обстоятельств его гибели.

Цитируем акт государственной комиссии, производившей эксгумацию трупа Н. А. Щорса 5 июля 1949 года в городе Куйбышеве: «...п. 3... в области бугра затылочной кости на 0,5 см вправо от него находится отверстие неправильной овальной продолговатой формы, размером 1,6х0,8 см, с довольно ровными краями. От верхнего края этого отверстия слева, несколько поднимаясь вверх, через левую височную кость, идет трещина, не доходящая до заднего края левой скуловой кости. В области левой теменной кости, на линии, соединяющей сосцевидные отростки, на 5 см ниже стреловидного шва, расположено отверстие округлой формы размерами 1х1 см с отслойкой наружной пластинки на 2 см в диаметре. От этого отверстия впереди и вниз к наружному слуховому отверстию отходят трещины, образующие замкнутую площадку неправильной четырехугольной формы 6х3,5 см...»

Пулемет противника стрелял слева. Щорс был убит уже после того, как он лег на землю. Убит пулей, вошедшей сзади справа в затылок и вышедшей несколько слева в области темени. Следовательно, стрелявший тоже лежал. Никак не мог Щорс повернуть на 180 градусов свою голову в сторону противника.

При стрельбе пулемета противника возле Щорса легли Дубовой с одной стороны, политинспектор с другой. Кто справа и кто слева – неизвестно, но это и не имеет существенного значения.

В 1935 году на встрече кинематографистов-орденоносцев с членами Политбюро И. В. Сталин обратил внимание на то, что А. П. Довженко следует снять фильм еще про одного героя Гражданской войны, «украинского Чапаева Н. А. Щорса».

В 1936 году, выполняя идеологический заказ, Довженко стал работать над сценарием фильма.

Наряду с этим были сделаны попытки поиска захоронения Н. А. Щорса. Дело в том, что, в соответствии с решением Реввоенсовета 12-й армии, гроб с телом был отправлен не в Сновск, на родину Щорса, а в Самару, в глубокий тыл. Но только в 1949 году, после того

как в районной газете города Куйбышева (бывшей Самары) было напечатано обращение к населению и откликнулись люди, принимавшие участие в похоронах, была найдена могила Н. А. Щорса.

10 июля 1949 года состоялось перезахоронение останков Н. А. Щорса. С этого времени узкому кругу ветеранов-щорсовцев стало известно, что пуля, попавшая в голову Щорса, была выпущена рукой одного из тех, кто в то время находился рядом.

И все же большинство ветеранов придерживалось официальной версии и не поднимало вопроса в прессе, побаиваясь, что это может бросить тень на героя Гражданской войны и на партию, которая таким образом избавлялась от неудобных ей командиров.

Анархия батьки Махно

Махно пришлось много работать еще мальчишкой. Был подпаском, маляром. Чуть повзрослев, поступил чернорабочим на чугунолитейный завод. В 1905 году участвовал в забастовках.

Энергичный и бесшабашный Нестор примкнул к террористам, которые называли себя анархистами. Его привлекло непонятное слово «экспроприация», что оказалось обыкновенным грабежом.

В 1910 году Махно был арестован и приговорен к смертной казни через повешение. Не одни сутки Нестор промаялся в камере смертников, находился в постоянном напряжении: ну, когда, когда... А шел ему всего двадцать первый год. Такие муки, когда нервы натягиваются до предела при каждом шорохе, не могли не отразиться на психике. Террористов помиловали: заменили смертную казнь заключением в Бутырской тюрьме. Здесь Махно продолжал «самоутверждаться». Вел себя вызывающе, буянил, за что его даже заковывали в кандалы. В перерывах между отсидками в карцере Спокойный (кличка Махно в тюрьме) читает труды Бакунина и Кропоткина. На свободу в первые дни Февральской революции Махно выходит уже убежденным анархистом.

И. И. Махно

Он не усомнился в своем выборе даже после встречи с Лениным. Наоборот, он очень быстро понял, что большевики обманули народ. Как написал «батька» в своих «Воспоминаниях», партия Ленина «оседлала революцию», всеми средствами стараясь остаться у власти. Махно видел цели 1917 года в другом.

12 марта 1917 года Нестор вернулся в Гуляйполе. Здесь он начал создавать свою «черную гвардию». Первый отряд состоял из 60 человек, наводивших ужас на местных богатеев. Но представлять Махно бессердечным убийцей, ни во что не ставящим человеческую жизнь, было бы преувеличением.

На одном из митингов разгоряченная толпа решила расправиться с бывшим полицейским приставом Гуляйполя Ивановым. За несчастного вступился Нестор Иванович. Махно вообще до определенного момента выступал против террора.

Некоторые оценки в «Воспоминаниях» Махно выглядят настоящим откровением: «Я говорил своим товарищам, что для революции было бы лучше, если бы большевики и левые эсеры не создавали блока, ибо среди них нет той идеи, которая удержала бы их от стремления властвовать над революцией, и это их в конце концов столкнет между собой, и они своим взаимоистреблением принесут много зла для революции. Уже теперь, говорил я друзьям, видно, что свободой пользуется не народ, а партии. Не партии будут служить народу, а народ – партиям».

Революция для Махно была средством уничтожения государства как такового. Анархисты считали, что только сам народ решает, как ему быть.

С осени 1917 года в районе Гуляйполя возникает ряд сельскохозяйственных коммун. Четыре из них организовывал непосредственно Махно. Каждая коммуна насчитывала 100–300 человек, в нее входил примерно десяток крестьянских семей. Земли брали ровно столько, сколько могли обработать. Орудия труда и «животина» распределялись «всем миром», для чего существовали районные съезды земельных комитетов. В коммуне для всех был общий стол. Если кто-то хотел питаться отдельно, то ставил в известность членов коммуны. От работы никто не уваливал. Кстати, и сам Нестор Махно участвовал во всех сельскохозяйственных работах. Руководителей у коммун не было – все рядовые. Стратегические направления ведения хозяйства вырабатывались общими совещаниями.

Коммуны просуществовали недолго и были разогнаны Красной армией. Тогда Махно взялся за оружие. Для защиты «своей» анархии он создал хорошо организованную, мобильную армию, которую недруги боялись и называли «бандой».

Большинство крестьян Гуляйпольского района было на стороне махновцев, которые защищали и от немцев, оккупировавших часть Украины, и от петлюровцев, и от белых, и от красных. Неудивительно, что на Махно началась настоящая охота.

Большевики (в частности, Троцкий) считали, что лучше отдать всю Украину Деникину, чем допустить распространение махновщины.

Для ликвидации «главаря банды» при Всеукраинской Чрезвычайной комиссии была создана специальная группа, куда набирались налетчики, приговоренные к расстрелу. Им обещали свободу в случае выполнения задания.

В июне 1920 года в расположение махновцев ЧК послала двух убийц: Федора Глушенко и Якова Костюхина по кличке «Яшка дурной». Но авторитет Махно был так велик, что в последний момент Глушенко одумался и пришел к «батъке» с повинной.

Входя в село или город, большевики брали заложников и расстреливали их, как «сочувствовавших бандитам». Белогвардейцы и петлюровцы пытались одолеть повстанческую армию военной силой. Еще в 1918 году петлюровцы совместно с немцами организовали особый отряд для уничтожения Махно. В районе села Большая Михайловка атаман с тридцатью бойцами был окружен спецотрядом, в котором насчитывалось около тысячи штыков. Со словами «вот здесь-то мы и должны умереть...» Нестор Иванович повел «хлопцев» в атаку. Они не только прорвались, но и разгромили спецотряд. После этого случая все партизаны (они себя и так именовали) решили звать Махно «батъкой».

Вообще повстанцы часто выходили победителями в боях, где противник имел значительное численное превосходство.

Успехи повстанческой армии не были случайными. Махно обладал незаурядным полководческим талантом. В лучшие времена его войско состояло из нескольких прекрасно организованных полков кавалерии и пехоты. Причем пехотинцы передвигались на тачанках (это не просто телега, а легкий рессорный экипаж). Это позволяло армии делать по 60–70 верст в день, а когда нужно, и сто. Поэтому удары всегда были для противника внезапными. Можно смело сказать, что махновская пехота – прообраз современных моторизованных частей.

В течение лета 1920 года махновцы дважды вступали в бой с частями белых. Но в тыл им наносила удары Красная армия. Махно понял: при борьбе на два фронта его полки будут разбиты, поэтому пошел на союз, предложенный большевиками.

Сколько было описаний того, как мужественные красноармейцы осенней ночью форсировали Сиваш. Но оказывается, через «холодные воды Сиваша» переправлялись не только «красные герои», но и «бандиты „бабки“ Махно».

20 ноября 1920 года появляется приказ командующего Южным фронтом Фрунзе. Суть в следующем: Врангель разбит, следовательно, задача партизанской армией выполнена, и она подлежит расформированию, бойцов распределить по другим частям Красной армии. Махновцы такому приказу не подчинились. Тогда следует очередная директива Фрунзе: «С махновщиной надо покончить в два счета». И в тыл отрядам «бабки» ударили четыре армии. Трех тысячам повстанцев ежедневно приходилось принимать бой с 10–15 тысячами красноармейцев. Лихая конница Махно была разгромлена еще раньше, как только взяли Симферополь. Ничего не подозревавших махновцев окружили, и из 1500 кавалеристов прорвались только 250 человек... Несмотря на огромное численное превосходство, частям Красной армии не удалось добиться полного успеха. Последняя «охота» на Махно окончилась неудачей. «Батке» с семьюдесятью восемью бойцами удалось уйти в Румынию, затем Нестор Иванович вместе с женой Галиной Кузьменко перебрался в Польшу, где местные власти определили супругов в концлагерь.

После суда Махно был освобожден. Дальнейшие сведения о его судьбе отрывочны: перебрался в Германию, затем в Париж, где прожил 10 лет. Жена работала прачкой, «батка» занялся литературным трудом. Умер Махно в 1934 году.

(По материалам М. Еришова)

Своей ли смертью умер Яков Свердлов?

В 1900 году, после окончания 5 классов гимназии, в возрасте 15 лет, Яков поступил работать учеником аптекаря. Но революционная деятельность ему показалась куда романтичнее. И в революцию 1905 года – Свердлов уже один из руководителей июльских событий в Петрограде. В 1918–1919 годах не кто иной, как Свердлов стал первым председателем ВЦИКа, фактически вторым человеком после Ленина. В январе 1919 года Я. М. Свердлов сформировал и возглавил Организационное бюро ЦК РКП(б). Своим заместителем в Оргбюро он назначил верного ему наркома финансов Н. Н. Крестинского. Основной задачей нового учреждения считалась подготовка предстоящего съезда партии большевиков; на самом же деле «тройка» выносила постановления по конкретным оперативным вопросам. Наибольшую известность получил циркуляр Оргбюро от 24 января 1919 года о «рассказачивании» – массовом расстреле казаков с конфискацией у них всего хлеба.

Таким образом, центр тяжести пролетарской диктатуры перемещался из Совнаркома в кабинеты ВЦИК. Оставалось только утвердить «перераспределение сотрудников» на партийном съезде, но до его открытия Свердлов не дожил.

Внезапная смерть Свердлова, погребенного без проведения патологоанатомического исследования, привела рядовых большевиков в полное недоумение. Они знали, что до рокового дня 16 марта председатель ВЦИК отличался завидным здоровьем. В начале октября 1918 года он перенес как будто легкое простудное заболевание, но с тех пор спал не больше пяти часов в сутки, зимой щеголял в легком пальто и от предложения отдохнуть отмахивался со словами: «Пустое... Вы же знаете, что я не устаю и не болею...»

Я. М. Свердлов

В пятницу 7 марта поезд председателя ВЦИК прибыл в Орел к обеду. Чтобы потрафить руководителю партии, местные власти объявили в тот день праздник по случаю основания Коминтерна и собрали митинг в железнодорожных мастерских. Свердлов отрядил туда агитаторов, потом, не утерпев, забежал сам, произнес короткую зажигательную речь и вернулся в свой вагон охрипшим. К вечеру 8 марта он приехал в Москву и, несмотря на недомога-

ние, провел совещание Президиума ВЦИК и подписал «Положение об особых отрядах при ВЧК». С этого дня его уже не отпускала лихорадка с повышением температуры до 39–40 градусов. И все-таки утром 9 марта он, как всегда, занимался делами в служебном кабинете, а вечером заседал то в Совнаркоме, то в Президиуме ВЦИК.

В ночь на 10 марта жена Свердлова проинформировала Ленина о болезни мужа, заодно переслав вождю несколько документов, с которыми председатель ВЦИК хотел срочно ознакомить председателя Совнаркома. С понедельника 10 марта к медицинскому обслуживанию Я. М. Свердлова приступил доктор Ф. А. Гетье, и больной начал выполнять врачебные рекомендации, не выпуская из рук штурвал государственной власти. Он просматривал поступающие телеграммы, подписывал постановления ВЦИК, а 12 марта успел провести заседание Оргбюро, на котором решил мимоходом вопросы «перераспределения» сотрудников ВЧК.

Тем не менее воспалительный процесс в легких 15 марта как будто не определялся. Родственники и соратники, толпившиеся в квартире, надеялись на скорейшее выздоровление Свердлова, но утром 16 марта их поразило необычное возбуждение больного. Они расценили его поведение как проявление бреда и галлюцинаций.

За полчаса до смерти Свердлова посетил Ленин. О чем они говорили, окружающие либо не слышали, либо не хотели вспоминать. По словам управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, Свердлов сначала что-то объяснял Ленину, потом затих, сжал его руку и умер.

Свой грипп Свердлов подхватил, вероятно, в Орле, но это – чуть ли не единственное положение официального медицинского сообщения, не вызывающее особых сомнений.

Почему неизменно осторожный Гетье нарушил врачебные традиции и ни разу не собрал консилиум у постели умирающего председателя ВЦИК? Или ему по высшим конспиративным соображениям запретили советоваться с коллегами?

Еще в сентябре 1918 года по указанию Ленина в Кремле «организовали» некое подсобие стационара с приемным покоем и амбулаторией для руководящих партийных кадров. Почему же крайне осмотрительный Гетье пошел на ничем не аргументированный риск лечения своего пациента на дому и не настоял на его переводе если не к себе в Солдатёнковскую больницу, то хотя бы в приемный покой при Кремлевской амбулатории? Или высокие инстанции сочли нецелесообразной госпитализацию умирающего председателя ВЦИК?

По официальному медицинскому заключению, массивная гриппозная пневмония с вовлечением в патологический процесс почти всего правого, а затем и левого легкого выявилась у больного не то 11, не то 12 марта. Столь обширное воспаление легких не могло не сопровождаться очень тяжелой одышкой, а в связи с гриппозным характером поражения – еще и кровохарканьем. Как же удалось больному с такой одышкой и кровохарканьем вести заседания то Оргбюро, то Президиума ВЦИК, да к тому же участвовать в работе Совнаркома поздним вечером 15 марта? Как он вообще сумел выбраться из постели? Неужели Гетье не распознал пневмонию за сутки до смерти больного?

Из того же официального врачебного заключения, составленного Гетье, следовало, что бред и галлюцинации возникли у больного одновременно с развитием легочной патологии, а 14 марта наступило фактически преагональное состояние. Но «агонизирующий больной» не мог заниматься государственными делами, готовить резолюции к партийному съезду, подписывать новые декреты и беседовать с вождем мирового пролетариата.

В таком случае напрашивается вывод: у Свердлова была возможность заболеть «испанкой», но причину его смерти Гетье утаил.

Последнее свидание председателя Совнаркома и председателя ВЦИК соратников скорее удивило, чем растрогало, ибо эта встреча очень плохо вязалась с характером вождя мирового пролетариата.

Одно дело поставить на кон свою страну, а другое – рисковать собой и очертя голову встречаться лицом к лицу с грозной «испанкой».

Между тем вереница экстраординарных происшествий, начиная с покушения на его жизнь 30 августа 1918 года и кончая скоропалительной кадровой перетасовкой в марте 1919 года, неумолимо подводила Ленина к мысли о заговоре, созревшем в его окружении. Инициативный и самостоятельный председатель ВЦИК уже отхватил себе изрядную часть ленинской власти и деловито примерялся к оставшейся, что не могло не подталкивать вождя мирового пролетариата к соответствующим ответным действиям. Неписанные правила большевистских подковерных игр, просуществовавшие в течение десятилетий вплоть до начала 1990-х, побуждали его не только сговариваться при необходимости с врагами, но и своевременно избавляться от чересчур активных и честолюбивых соратников. Вот тут-то и подспела «испанка».

Ясно лишь одно: Ленин навел умиравшего не из милосердия, а просто потому, что, вероятно, нуждался в информации о каких-то деталях потенциального дворцового переворота.

До сих пор существует целый ряд версий о смерти Свердлова. Официальная звучит так: 7 марта 1919 года во время выступления на одном из заводов Орла Яков Михайлович подхватил «испанку», от которой и сгорел за неполные 10 дней. Но эта версия была тут же «отменена», чтобы не поднимать панику. Если уж «испанка» забралась за кремлевскую стену, то на что можно рассчитывать простым смертным. Была срочно подготовлена другая версия – Свердлов скончался от легочного туберкулеза, которым заболел в царских застенках. Эта версия устраивала и партийную верхушку, и пролетариат – человек просто «сгорел» на работе. Но и она вызывает ряд сомнений. Пасмурным днем 18 марта Якова Свердлова похоронили на кремлевском погосте. Вожди разного ранга произнесли по этому поводу ритуальные речи. Ленин констатировал «практическую трезвость и практическую умелость» покойного, не высказав ни сожаления о его смерти, ни сочувствия вдове.

(По материалам В. Тополянского, Ю. Москаленко)

Правда о Петьке – порученце Чапая

О судьбе этого человека знают, кажется, все. Но знание это либо книжно-киношное, либо – мифологизированное.

Для сегодняшних мальчишек, не видевших ни того фильма, не читавших одноименной книги Дмитрия Фурманова, и комдив Чапаев, и отчаянная пулеметчица Анка, и верный неунывающий Петька – всего лишь герои из давнего черно-белого фильма и нескончаемого цикла анекдотов.

Между тем есть в России место, где анекдотов про Чапаева и Петьку не любят ни рассказывать, ни слушать. Для живущих здесь Петька – и не «Петька» вовсе, а Петр Семенович Исаев, геройски павший в Гражданскую войну земляк, а для многих и родственник. Место это – деревня Корнеевка в Саратовской области. И чапаевскому ординарцу посвящен тут даже скромный деревенский музей.

У настоящего Петра Семеновича весьма благородные черты лица, смелый взгляд. Батрацкий сын Семена Дмитриевича и Агриппины Ивановны Исаевых...

Педагоги и ученики собирали документы для музея, записывали воспоминания старожилов. Удалось узнать, что у Петра Исаева был брат Михаил и сестра Пелагея, особого следа в памяти односельчан не оставившие. А наш герой кому-то запомнился уличным прозвищем «черномазик». Называл себя, даже когда стал взрослым и женился, не Петром, а просто Петькой.

Афиша к фильму «Чапаев»

До призыва на действительную военную службу в 1916 году ничем себя наш герой не проявил. Говорят, работал с малых лет – как все. Учиться было некогда и не на что.

Военную науку проходил в учебной команде Финляндского полка. Вскоре получил звание унтер-офицера. На фронте сошелся с большевиками. После тяжелой контузии Исаев возвратился в Корнеевку. Здесь вместе с односельчанином Дмитрием Корсаковым они сколотили из местной бедноты отряд и отправились к Чапаеву. Когда начдив знакомился с новыми бойцами, на левом фланге увидел маленького, но ладного парня с угольными глазами.

Говорят, порученец дослужился чуть ли не до командира полка, всюду возил с собой сына Ваньку и жену Фиму. Но внучка нашего героя, Валентина Ивановна, ничего подобного от отца не слышала. Зато хорошо помнит его рассказы о том, как прятался от белоказаков под амбаром, а бабушка Фима сидела в камышах, что растут по берегам пруда.

Воевал Петька отчаянно. Однажды заменил павшего в бою пулеметчика и помог отбить атаку. За это Чапаев подарил ему часы. А потом представил к ордену Красного Знамени, только наградили Исаева уже после смерти на берегу Урала, где он отстреливался до предпоследнего патрона. А последний пустил в сердце...

Могли бы и затеряться Петр Исаев вместе с Василием Ивановичем Чапаевым среди миллионов рядовых бойцов и десятков начдивов, погибших на Гражданской. Но в дивизии комиссаром был Дмитрий Фурманов, который написал роман «Чапаев». Петька в нем – далеко не главный персонаж. Это уж в фильме он вместе с Василием Ивановичем и Анкой – на переднем плане.

Так и начал наш герой свою посмертную жизнь.

Единственный сын Петьки – Иван Петрович Исаев вырастил семерых детей, Петькиных внуков. Из Корнеевки они перебрались в соседний поселок Петровский. Семья жила трудно – советская власть вниманием не баловала. Работал Иван Петрович в местном колхозе то пастухом, то скотником, то сторожем. Для высоких должностей не хватало грамоты. Семерым детям тоже было не до учебы. Подрастали – и за работу, чтобы помочь родителям.

Среди внуков, как, впрочем, и среди десятка правнуков Петьки, героических личностей не наблюдается. Обычные сельские жители. Правнуки Александр и Вячеслав ни книг о Чапаеве не читали, ни фильма не видели. «Киношный» Петька остался в той – прежней жизни.

(По материалам А. Петрова)

Путь на красную Голгофу

В. Володарский – видный деятель российского революционного движения (настоящие его имя и фамилия – Моисей Маркович Гольдштейн).

Незадолго до октябрьских событий 1917 года Володарский вел агитационную работу в Петергофско-Нарвском районе Петрограда, став членом Петроградского комитета РСДРП(б).

В сентябре 1917 года он был избран в президиум Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, членом ЦИК первого созыва. Володарский – талантливый оратор, популярнейший агитатор среди рабочих и солдат, был активным участником Октябрьского вооружённого восстания. В 1918 году Володарский, не имевший даже законченного гимназического образования, был назначен комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации в первом правительстве большевиков.

В. Володарский

Он по совместительству был редактором петроградской «Красной газеты». Был делегатом II–IV съездов Советов, на II Всероссийском съезде Советов избран членом Президиума ВЦИК.

За короткое время Володарский установил жесткую политическую цензуру, закрыв около 150 петроградских газет.

Именно тогда ему был вынесен эсерами смертный приговор.

Организацию покушения на Володарского взяла на себя боевая группа эсеров под руководством Григория Семенова. Тот лично вручил бывшему рабочему-маляру, а ныне ставшему членом террористической группы боевику Сергееву браунинг и несколько гранат. Накануне покушения он начинил пули отравляющим ядом кураре. По решению Семенова устранить Володарского должен был только рабочий.

20 июня 1918 года на товарной станции Николаевского вокзала чрезвычайно опасная ситуация. Возник стихийный митинг, рабочие взбунтовались, требуя изгнания большевиков из Советов.

Моисей Маркович поехал на Николаевский вокзал, но митингующие говорить ему не дали, настаивая на встрече с председателем Петроградского Совета Зиновьевым. С трудом выбравшись из разъяренной толпы, Володарский поехал в Смольный с намерением срочно разыскать Г. Е. Зиновьева. Однако выяснилось, что тот находится на митинге на Обуховском заводе. Володарский срочно направился туда, но недалеко от завода его автомобиль внезапно остановился. Выяснилось, что из-за непредвиденных поездок кончился бензин.

По роковому стечению обстоятельств остановка автомобиля произошла всего в 100–150 метрах от места, где уже в течение пяти часов находился в ожидании Володарского террорист Сергеев. Когда часы показали семь вечера, уставший ждать Сергеев понял, что комиссар по каким-то причинам отменил поездку на завод. Он уже хотел возвращаться домой, когда показался автомобиль Володарского и вдруг заглох в ста метрах от террориста, у дома номер 13 в Прямом переулке.

Помедлив какое-то мгновение, террорист решительно вышел из тени и направился к автомобилю. Шофер Г. П. Юргенс стоял к нему спиной, копясь в моторе, и не мог видеть незнакомца. Его заметил Володарский и нетерпеливо сделал несколько шагов навстречу. Хотел, наверное, спросить, есть ли поблизости учреждение, откуда можно было бы позвонить по телефону. Едва Володарский открыл рот, как незнакомец быстро сунул руку в карман пиджака и выхватил браунинг с заранее взведенным курком. Грохнул выстрел, затем еще один, еще...

Все пули, начиненные ядом кураре, прошли мимо цели. Володарский, бросив портфель, засунул руку в карман, чтобы достать револьвер. Ему удалось выхватить свой пистолет, но выстрелить он не успел. Террорист оказался проворнее. Приблизившись к комиссару, он всадил ему в грудь все оставшиеся в обойме пули. Володарский сделал шаг в сторону застывшего у автомобиля водителя и как подкошенный упал на землю. Несколько случайных прохожих бросились вдогонку за террористом. Однако их быстро остудила граната, брошенная убегающим. Примерно через три минуты Володарский был уже мертв. Минут через пять подъехала автомашина с Зиновьевым, возвращавшимся с митинга на Обуховском заводе. Из его машины взяли немного бензина, повезли Володарского в больницу, но было уже слишком поздно.

...Володарского похоронили на Марсовом поле. На траурном митинге ораторы требовали возмездия его убийцам. Никто не сомневался, что это дело рук эсеров. Ленин написал Зиновьеву: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором, а когда дошло до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками».

Похороны Володарского газеты описывали как «путь следования мученика пролетарской революции на Красную Голгофу – Площадь Жертв Революции».

Вскоре Сергеева нелегально переправили в Москву, где его следы затерялись.

Зиновьев, руководствуясь ленинской запиской, распорядился ввести институт заложников с их немедленным расстрелом. В первый день «красного террора», объявленного после убийства Урицкого, в Петрограде было расстреляно 900 заложников. Столкнувшись с таким радикальным средством борьбы большевиков с индивидуальным политическим террором, партия эсеров сразу же исключила покушения из своего арсенала.

Г. Семенов успел совершить несколько внушительных терактов, пока наконец не был арестован ЧК в октябре 1918 года. Семенов заявил о полном раскаянии и просил дать ему ответственное задание, чтобы искупить прошлые грехи. В 1919 году, после нескольких меся-

цев отсидки, он выходит из тюрьмы уже как член РКП со специальным заданием работать в организации эсеров в качестве осведомителя!

Заседание Верховного революционного трибунала ВЦИК РСФСР по обвинению правых эсеров в борьбе против советской власти проходило с 8 июня по 7 августа 1922 года. По решению трибунала 15 членов партии эсеров, в том числе Г. И. Семенов, были приговорены к расстрелу. Однако уже на следующий день после вынесения приговора всем осужденным смертная казнь была заменена тюремным заключением или... полным освобождением.

По окончании суда Г. И. Семенов был... отправлен в Крым для поправки здоровья. Чекистская пуля нашла его через 20 лет в лубяном подвале.

Убийство не худшего из чекистов

Одной из первых жертв покушения новой, советской эпохи стал в 1918 году Моисей Урицкий, человек не слишком примечательный, но занимавший пост главы петроградской ЧК.

Он не был убежденным большевиком, напротив, до последнего тянул с тем, чтобы примкнуть к Ленину. Осенью 1917 года Урицкому, как и до этого Троцкому, простили связь с меньшевиками, и он с лихвой отработал свое прощение: был одним из организаторов октябрьского переворота, а после возглавлял борьбу с врагами советской власти в Петрограде. Формально он руководил работой большевиков по подготовке к Учредительному собранию.

М. С. Урицкий

С весны 1918 года в Петрограде не прекращались аресты действительных и мнимых противников большевиков. Решение о казни Перельцвейга, заподозренного в контрреволюционном заговоре, стало роковым и для самого Урицкого.

Что же произошло?

Леонид Каннегисер, друг Перельцвейга, родился в марте 1896 года в Петербурге в семье известного инженера-металлурга Иоакима Каннегисера. Переселившись в столицу из Николаева, отец Леонида превратился в фактического главу всей металлургической промышленности империи. Его дом в Саперном переулке стал местом встреч самых разных людей.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война. 18-летнего юнца не взяли на воинскую службу, но когда через три года грянула Февральская революция, тут уж никто его остановить не мог.

К приходу большевиков к власти Каннегисер отнесся неоднозначно. Однако если и было какое-то увлечение большевиками, то после разгона Учредительного собрания, заключения Брестского мира и с началом террора против врагов новой власти оно закончилось.

Знавшие Каннегисера люди сходятся в одном: убийство друга, Перельцвейга, потрясло молодого человека. Он обращался к Урицкому с просьбой о помиловании, тот даже принял его для беседы. Однако в прощении отказал. И вот тогда у Каннегисера созрела мысль об убийстве.

По словам матери Каннегисера, в последние ночи перед убийством ее сын не ночевал дома, и она предчувствовала, что он занят какой-то опасной работой. Около десяти утра Каннегисер отправился в сторону Дворцовой площади.

В 10.30 Каннегисер был внутри здания, где тогда находился Наркомат внутренних дел. У швейцара он спросил, принимает ли Урицкий. Получив отрицательный ответ, стал ждать на стуле у окна. Около 11.00 подъехал автомобиль председателя ЧК. Урицкий вошел в подъезд, направился к лестнице, прошел мимо Каннегисера. Не успел тот сделать несколько шагов, как молодой человек выстрелил ему в голову из «кольта». Урицкий упал и моментально скончался.

Каннегисер тем временем бросился на улицу, обронив фуражку и оставив на месте преступления револьвер.

На допросах Каннегисер категорически отрицал, что совершил убийство по поручению какой-то партии. Следователи никак не могли смириться с тем, что Урицкого убили, исходя из личных мотивов. Настроенные всюду искать контрреволюционные заговоры, они полагали, что убийство Урицкого организовано эсерами – те в июле совершили убийство главного большевистского агитатора В. Володарского.

В первые дни расследования следователи Отто и Рикс выдвинули свою версию – о сионистском заговоре, агентом которого якобы был Каннегисер. Они полагали, что сионисты мстили Урицкому за интернационализм, и успели даже арестовать большую группу евреев. Вскоре, впрочем, их освободили, а следователей отстранили от дела.

Сам Каннегисер не отрицал, что еврейское происхождение сыграло определенную роль в его решении. По словам М. Алданова, среди мотивов убийства было и «чувство еврея, желавшего перед русским народом, перед историей противопоставить свое имя именам Урицких и Зиновьевых».

Каннегисер был расстрелян в октябре, точная дата неизвестна. На допросах он был немногословен, зато князю Меликову, у которого он «украл» пальто, написал письмо, полное искреннего сожаления о случившемся.

По материалам А. Бернштейна, Дм. Карцева

Он шел на Одессу, а вышел к Херсону Легенда о матросе Железнякове

Прах Анатолия Григорьевича Железнякова, погибшего, как утверждалось, «26 июля 1919 года в бою с врагами революции от смертельной пули», был доставлен по приказу Троцкого на специальном поезде в Москву и с воинскими почестями захоронен на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой его фронтового начальника и друга, командира 16-й стрелковой дивизии Васо Киквидзе, также ныне забытого героя...

Во время Первой мировой войны Железняков служил на Балтийском флоте и вел поразительную пропаганду среди матросов, за что не раз был арестован. В июне 1916-го дезертировал и под вымышленной фамилией устроился кочегаром торговых судов на Черном море. Весной 1917 года Временное правительство амнистировало дезертиров царского времени, и Железняков вернулся на Балтийский флот, где активно поддерживал действия большевиков. В июне 1917 года бросал бомбы в казаков и был приговорен к 14 годам каторжных работ за терроризм и покушение на жизнь защитников России. Из тюрьмы бежал в Кронштадт, где был избран в Центробалт – революционный орган моряков Балтийского флота.

«Матрос Железняк» участвовал во взятии Зимнего дворца, аресте Временного правительства, а также помогал большевикам захватить власть в Москве в октябре-ноябре 1917 года. Но известность пришла к нему после знаменитой фразы, когда, будучи начальником караула Таврического дворца, он объявил заседавшим там депутатам Учредительного собрания: «Караул устал!»

Далее он был послан на Юг «для борьбы с контрреволюцией»: воевал против Добровольческой армии, участвовал в карательных акциях против донских казаков. Его друг Киквидзе назначил Железнякова командиром полка в своей дивизии.

Во время восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 года Железняков выразил им сочувствие и выступил за уничтожение Совнаркома как органа власти. Затем у него начался конфликт с Подвойским, который закончился приказом об аресте Железнякова. Вскоре Железняков был обвинен в крушении поезда Подвойского и объявлен вне закона. Он бежал из-под расстрела и с помощью левых эсеров скрылся в Тамбове. В ноябре 1918 года его направили на подпольную работу в Одессу. Там действовал совместно с боевой дружиной Котовского, с которым тесно сблизился. В это время «матрос Железняк» участвовал в террористических актах, в налетах на банки и грабежах местных жителей. Оставив для истории легендарную биографию, А. Г. Железняков, также как и его товарищи по совместной подпольной борьбе, стал организовывать мирную жизнь в городе. Он был избран председателем профессионального союза моряков торгового флота и с огромным энтузиазмом взялся за работу на совершенно новом для себя участке работы.

Памятник «матросу Железняку» в Ногинске

Вместе с тем А. Г. Железняков стал настойчиво добиваться отправки на фронт. Он выдвинул план, согласно которому в экстренном порядке необходимо отремонтировать находящиеся в железнодорожном депо два бывших белогвардейских бронепоезда и отправиться на фронт на помощь Красной армии. Получив согласие начальства, А. Г. Железняков лично контролировал ход ремонта бронепоезда. В мае 1919 года Одесса торжественно провожала на фронт бронепоезд имени Худякова, командиром которого был назначен А. Г. Железняков.

Бронепоезд прибыл в Кременчуг, где располагался штаб 14-й армии, и был включён в состав этой армии.

25 июля 1919 года А. Г. Железняков получил приказание выдвинуться на бронепоезде в район Екатеринослава и прикрыть отступление пехотных частей от преследования их белогвардейской конницей. К тому времени белоказаки захватили станцию Верховцево, отрезав для бронепоезда маневр отхода в западном направлении.

А. Г. Железняков принял рискованное, но единственно правильное решение, чтобы избежать захвата бронепоезда белогвардейцами: дать полный ход и проскочить через занятую противником железнодорожную станцию. Бронепоезд преодолел вражеский заградительный огонь и пронёсся через станцию Верховцево. А. Г. Железняков вёл огонь по врагу сразу из двух пистолетов, высунувшись по пояс из командирской рубки. В самый последний момент, когда опасность, казалось, миновала, шальная пуля сразила отважного командира. Рана в область грудной клетки оказалась смертельной, и 26 июля 1919 года А. Г. Железняков, не приходя в сознание, скончался.

Такова официальная версия событий. А теперь обратимся, так сказать, к альтернативной истории.

Однако бывшая советская разведчица Надежда Улановская вспоминала: «Я приехала в Николаев, когда Железнякова уже убили <...> Есть версия, что убили Железнякова большевики: к тому времени, когда он попал на юг, после Октября, у них были с ним счёты как с анархистом, его объявили вне закона. Но Железняков умел воевать, значит, мог принести

пользу. Заместителем ему дали большевика, после гибели Железнякова он стал командиром, но бойцы его не любили <...> Есть основания считать, что этот большевик его и застрелил, смертельно ранил в спину во время боя».

Так что же, «смертельно ранен при прорыве из окружения» или убит чекистами выстрелом в спину в рамках кампании по ликвидации командиров-небольшевиков? Думается, этого никто уже не узнает.

Кто «заказал» Ильича?

Среди легенд и мифов ранней советской истории утверждение, что в Ленина стреляла эсерка Каплан, долго казалось бесспорным.

Обычно утверждают, что организаторами покушения на Ленина 30 августа 1918 года были руководители правоэсеровской боевой группы Г. Семенов и Л. Коноплева, а исполнительницей – Ф. Каплан. Это утверждение основывалось на саморазоблачительной брошюре Г. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.», изданной в 1922 году в Берлине и тогда же отпечатанной в типографии ГПУ на Лубянке в Москве. Издание было приурочено к судебному процессу над лидерами партии правых эсеров в Москве (8 июня – 7 августа 1922 г.), следственное дело Ф. Каплан фигурировало на нем как «вещественное доказательство» террористической деятельности эсеров.

Именно тогда руководители боевой правоэсеровской группы рассказали, как они организовали слежку за передвижениями Ленина в Москве, как инструктировали Каплан и дали ей пули, отравленные ядом кураре. На вопрос: «Почему же яд не подействовал?» – Семенов и Коноплева во время суда отвечали, что не знали его свойств – терять свое воздействие при высокой температуре. Заключение эксперта профессора химии Д. М. Щербачева, что высокая температура подобные яды не разрушает, не было принято во внимание, равно как и выступления ряда эсеров, отрицавших членство Каплан в их партии.

Выстрел в народ. Художник А. М. Герасимов

Специалистов удивило несоответствие пометок от пуль на пальто Ленина с местами его ранения. Когда же сравнили пули, извлеченные при операции Ленина в 1922 году и при бальзамировании тела вождя в 1924-м, выяснилось, что они не из одного пистолета. Из материалов следственного дела следует, что пистолетов было два: браунинг принес в ВЧК рабочий фабрики, слушавший выступление Ленина, через три дня после покушения; судьба второго неизвестна. Более того, нет точных доказательств, что он вообще был.

В последние годы исследователи пришли к заключению, что и опасность ранения Ленина, представленная в описаниях врачей той поры, была преувеличена: он самостоятельно поднялся по крутой лестнице на третий этаж и лег в постель. Через день, 1 сентября, те же врачи признали его состояние удовлетворительным, а еще через день вождь поднялся с постели.

Непонятно и другое: почему не дали завершиться следствию? Каплан была расстреляна 3 сентября 1918 года по личному указанию главы государства Я. М. Свердлова.

Батулин, задержавший Каплан 30 августа в заводском дворе, где прозвучали выстрелы в Ленина, в первом варианте показаний заявил, что, когда от выстрелов люди стали разбегаться, он заметил женщину, которая вела себя странно. На его вопрос, зачем она здесь и кто она, Каплан ответила: «Это сделала не я». Во втором варианте показаний, написанных 5 сентября, уже после того как газеты оповестили о расстреле Каплан, Батулин признал, что не слышал выстрелов, полагая, что это обычные моторные хлопки, что человека, стрелявшего в Ленина, он не видел. Но он побежал, как все, и увидел у дерева женщину с портфелем и зонтиком в руках. «Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: „А зачем вам это нужно?“ Тогда, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. По дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: „Зачем вы стреляли в тов. Ленина?“ – на что она ответила: „Зачем вам это нужно знать?“ – что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

Подобные «свидетельства», дополненные путаными признаниями Каплан (часть протоколов ее допросов ею не подписана, графологической экспертизы не было проведено, и непонятно, кто писал протоколы «признаний»), вызывают сомнения в том, что стреляла именно она.

Кандидатура Каплан удовлетворяла организаторов покушения: никого не выдаст, никого не знает, но «примет удар на себя». Все знали лишь те, кто организовал покушение, кто не дал завершить следствие, а позже из следственного дела выдрал несколько страниц. Это произошло, скорее всего, в 1922 году, когда для процесса над лидерами правозсеровской партии важно было показать преступление одного из ее членов. Выдранные же страницы, по косвенным данным, содержали свидетельства тех, кто утверждал, что в Ленина стреляла не женщина, а мужчина. Тем более что Ленин, обернувшись на выстрел, наверное, был единственным, кто видел стрелявшего.

Среди современных исследователей есть те, кто считает, что Каплан не была эсеркой и не стреляла в Ленина. Последние называют тех, кто бы мог тогда это совершить: Л. Коноплеву и З. Легонькую, А. Протопопова и В. Новикова.

С осени 1918 года Коноплева сотрудничает с ВЧК, в 1921-м – вступает в РКП(б) по рекомендации Н. И. Бухарина, М. Ф. Шкирятова и И. Н. Смирнова. В 1922 году она разоблачала своих бывших коллег по эсеровской партии, а затем работала в 4-м управлении штаба РККА. В 1937 году ее обвинили в связях с Бухариным и расстреляли.

З. И. Легонькая – водитель трамвая, большевичка, участвовала в обыске Каплан. В сентябре 1919 года по доносу была арестована как принимавшая «участие в покушении на Ленина». Она быстро представила алиби: в день покушения находилась на занятиях в инструкторской коммунистической школе красных командиров.

Столь же скудны сведения о А. Протопове. Известно, что он был матросом, эсером, в июне 1918 года стал заместителем командира отряда ВЧК, а 6 июля активно поддержал выступление лидеров своей партии. Когда Дзержинский приехал в отряд для ареста Блюмкина, именно Протопов ударил и обезоружил Феликса Эдмундовича. Далее его следы теряются.

В. Новиков в брошюре Семенова называется эсером, помогавшим Каплан осуществить покушение. Во время пристрастного допроса в НКВД в декабре 1937 года он признался лишь

в одном: он-де показал Каплан Ленина, а сам во двор завода не заходил и ждал результатов на улице.

Ныне некоторые исследователи, в частности, американский историк Ю. Фельштинский, выдвинули другую гипотезу: организаторами покушения были председатель ВЦИК Свердлов и председатель ВЧК Дзержинский.

В конце лета 1918 года у большевиков было много оснований для беспокойств, численность РКП(б) уменьшалась, крестьянские выступления, рабочие забастовки и военные неудачи свидетельствовали о кризисе власти. Сотрудники германского посольства писали, что в августе 1918 года, еще до выстрелов в Ленина, в Москве сложилось «нечто вроде панических настроений». Большевики предприняли самые отчаянные меры для сохранения власти. Они решительно ликвидировали политическую оппозицию: в июне запрет на участие в работе Советов меньшевикам и правым эсерам, в июле – разгром и изгнание с правящих должностей левых эсеров. Ранение Ленина на какое-то время отодвинуло его от выполнения властных функций и поставило перед ним вопрос о почетном уходе. Заседания Совнаркома проводил в его отсутствие Свердлов, уверенно заявлявший управляющему делами правительства В. Бонч-Бруевичу: «Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича все-таки справляемся».

Словом, предположение о кремлевском заговоре в августе 1918 года имеет право на существование, как, впрочем, и многие другие гипотезы по поводу этого запутанного исторического события.

По материалам А. Литвина, доктора исторических наук

Циолковский в подвалах Лубянки

Уже в начале прошлого века скромного учителя женского епархиального училища из Калуги знала вся просвещенная Россия. Его статьи публиковались в самых популярных журналах. Книгами зачитывались гимназисты, студенты и седобородые ученые. Идеи повергали в шок и побуждали к действиям инженеров, авиаторов, конструкторов летательных аппаратов.

Но вскоре грянула революция, и о Константине Эдуардовиче Циолковском забыли. Но не все.

Рассказывает писатель Б. Сопельняк:

«Мне посчастливилось стать первым, кто прикоснулся к делу № 1096 по обвинению Циолковского Константина Эдуардовича.

Начато это дело было 20 ноября 1919 года и открывается весьма странным и весьма загадочным документом. Называется он: „Точные пополнения к докладу сотрудников Особого отдела 12-й армии т. Кошелева и т. Кучеренко“. Эти чекисты не рядовые армейские „особисты“, они разведчики, им удалось стать сотрудниками деникинской разведки. Кучеренко пишет: „В г. Киеве мне и Петрову было сказано начальником разведки, чтобы не ходить и не собирать сведения по фронтам и не подвергать себя опасности, а обратиться по адресу: г. Калуга, ул. Коровинская, 61, спросить Циолковского. Пароль „Федоров – Киев“. Циолковский среднего роста, шатен, в очках, большая борода лопаткой.

В Калуге должен быть штаб повстанческих отрядов спасения России. Циолковский должен сказать адреса пунктов, находящихся в Москве, где и должны давать полные и точные сведения о положении дел на фронте и красных войсковых частях“.»

К. Э. Циолковский

ЧК принимает решение произвести проверку Циолковского, причем настолько коварную и бесчеловечную, что только чудом можно объяснить, почему он не был расстрелян и остался жив.

16 ноября провокатор явился к Циолковскому, назвалса Образцовым и сказал, что он приехал из Киева по рекомендации его давнего знакомого Федорова. Константин Эдуардо-

вич обрадовался, полагая, что Образцов интересуется проблемами воздухоплавания, но тот перебил старика, заявив, что он деникинский разведчик и послан с целью сбора информации о Красной армии и получения явок в Москве.

Бедный Циолковский ничего не понимал, одну за другой вставлял в ухо свои знаменитые слуховые трубки, уверял, что сношения у него с Москвой сугубо научного характера, что в Киеве произошла какая-то путаница...

В соответствии с предварительным планом Циолковского тут же арестовали и отправили в Москву. 19 ноября Константин Эдуардович уже на Лубянке. Первый допрос состоялся через десять дней и проводил его следователь Ачкасов.

После уточнения так называемых установочных данных следователь решил усыпить бдительность шестидесятидвухлетнего ученого и дал ему поговорить на любимую тему – о воздухоплавании и дирижаблестроении. И вдруг как обухом по голове:

– Почему именно к вам зашел деникинский офицер?

– Почему? Я не знаю, почему, – сбился с темы Циолковский. – Видимо, потому, что я состоял в переписке с Федоровым, а они были знакомы... Я усомнился, что молодой человек, назвавшийся Образцовым, деникинский офицер – он всего лишь играл роль деникинца.

В заключении следователя Ачкасова по делу № 1096 говорилось:

«Несмотря на все доводы Кучеренко и Евсеева-Петрова, что через некоего Федорова они узнали в Киеве в стане неприятеля, что Циолковский знает все пункты организации Союза возрождения России, я делаю вывод, что белые не знали Циолковского.

А поэтому, ввиду полной недоказанности виновности Циолковского, но твердо в душе скрывающего организацию СВР и подобные организации, предлагаю выслать г-на Циолковского К. Э. в концентрационный лагерь сроком на 1 год без привлечения к принудительным работам ввиду его старости и слабого здоровья.

Декабря 1 дня 1919 г. Следователь Ачкасов».

Но... служили в ЧК и другие люди. Одним из них был начальник Особого отдела ЧК Е. Г. Евдокимов. Всю подлую работу Ачкасова Ефим Георгиевич перечеркнул собственной резолюцией, к тому же написанной красными чернилами:

«Освободить и дело прекратить. Е. Евдокимов. 1.12.19».

Несмотря на благополучный исход, пребывание на Лубянке Циолковского потрясло: когда он добрался до дома и постучал в дверь, жена его не узнала. Но вот что поразительно: он не затаил обиды ни на чекистов, ни на виновника его злоключений А. Я. Федорова. Больше того, после освобождения Киева от белых Константин Эдуардович возобновил с ним переписку и всерьез обсуждал вопрос о переезде на постоянное место жительства в Киев. Еле-еле калужане отговорили его.

Впереди был самый плодотворный и самый счастливый период жизни Циолковского: работа над новыми моделями дирижаблей и аэропланов, статьи о полете в космос, книги на философские темы, награждение орденом Трудового Красного Знамени, прогремевшее на всю страну празднование 75-летнего юбилея, признание его заслуг учеными всего мира...

Страшно подумать, что всего этого могло бы не быть, что все могло оборваться холодным декабрьским утром 1919-го, что один из величайших людей России мог сгинуть в подвалах Лубянки.

Дело 26 бакинских комиссаров (в двух версиях)

Версия первая – официальная

В январе 1925 года на хуторе Ляпичево Нижневолжского края был задержан некто Ф. А. Фунтиков.

17 апреля 1926 года в столице Азербайджана в здании театра им. Буниат Заде началось слушание дела Фунтикова.

Он всячески пытался отрицать свою причастность к расстрелу бакинских комиссаров в июле 1918 года.

«В заседании закаспийского правительства, состоявшемся по этому поводу, участия не принимал, на расстреле не присутствовал», – заявил он, видимо, в надежде на то, что доказательства, уличающие его, не будут найдены.

В ту пору советская власть существовала только в Баку и в некоторых уездах Бакинской губернии. Остальные районы находились в руках контрреволюционного Закавказского комиссариата.

В середине июня 1918 года германо-турецкие интервенты вторглись на территорию нынешнего Азербайджана, поддержали наступление на Баку и отряды мусаватистов и грузинских меньшевиков. К концу июля они вплотную подошли к Баку. С севера на город двинулись банды дагестанских контрреволюционеров.

К 30 июля положение на фронте резко ухудшилось. Дашнакское командование армянских национальных частей, которые составляли большинство личного состава советских войск, приняло решение выкинуть белый флаг. Стало ясно, что Баку не удастся удержать. В тот же день правые партии на совместном заседании образовали контрреволюционное «правительство» – Диктатуру Центрокаспия и Временный исполнительный комитет.

4 августа в Баку прибыл отряд английских войск. Новая власть устроила представителям английского командования официальный прием, на котором выступил с речью будущий палач бакинских комиссаров капитан Реджинальд Тиг-Джонс.

Бакинская большевистская партийная конференция постановила: революционным силам уйти из Баку и забрать с собой оружие. Но попытка эта не увенчалась успехом. Военные корабли Диктатуры Центрокаспия обстреляли пароходы с большевиками у острова Жилого и вынудили их возвратиться в Баку. Народные комиссары и работники аппарата Совнаркома были арестованы.

Народных комиссаров, содержавшихся в Баиловской тюрьме, передали в распоряжение Чрезвычайной комиссии, которую возглавляли работники Диктатуры Центрокаспия Васин и Далин. Расследование поручили Жукову – бывшему царскому чиновнику.

Передовые рабочие на митингах и собраниях требовали освободить комиссаров. 28 августа в Бакинский Совет третьего созыва были избраны содержавшиеся в тюрьме большевики Шаумян, Джапаридзе, Зевин, Фиолетов, Азизбеков, Басин, Корганов, Малыгин, С. Богданов.

Расстрел 26 бакинских комиссаров. Художник И. И. Бродский

На первом заседании вновь избранного Бакинского Совета 5 сентября большевистская фракция потребовала освобождения комиссаров, избранных бакинским пролетариатом в Совет. Но это требование большинством голосов правых было отвергнуто. Было опубликовано постановление Чрезвычайной комиссии о предании народных комиссаров военно-полевому суду.

Английские войска позорно бежали из Баку. На другой день за ними последовало правительство Диктатуры Центрокаспия. Арестованные оставались в тюрьме.

Депутату Бакинского Совета Анастасу Микояну удалось получить у члена Диктатуры Центрокаспия Велунца разрешение на освобождение и эвакуацию арестованных из Баку.

Ночью 14 сентября, когда турецко-немецкие войска вплотную подошли к Баку и окраинные улицы простреливались ружейно-пулеметным огнем, комиссары были выведены из тюрьмы. На рассвете 15 сентября на пароходе «Туркмен» они покинули Баку.

Вместе с ними погрузилась небольшая группа бойцов из советского отряда Татевоса Амирова. Вначале был взят курс на Астрахань. Но дашнакские и английские офицеры, находившиеся на пароходе, принудили капитана изменить курс и идти в Красноводск.

В Закаспийской области власть перешла в руки закаспийского «правительства», возглавляемого Фунтиковым.

Мятежники начали жестоко расправляться с большевиками. В Мерве 22 июля был расстрелян П. Г. Полторацкий – нарком труда Туркестанской республики. Два дня спустя в семи верстах от Ашхабада по приговору эсеровского «правительства» были расстреляны девять комиссаров Закаспийской области.

19 августа 1918 года было подписано соглашение об оккупации английскими войсками Закаспийской области.

Штаб английских войск во главе с генералом Маллесоном разместился в Ашхабаде. Командование английских войск вмешивалось во все дела правых эсеров. Одним из актов этого вмешательства была организация убийства двадцати шести бакинских комиссаров.

Утром 17 сентября «Туркмену» было приказано следовать к нефтеналивной пристани Уфра, куда были стянуты войска.

Всего арестовали тридцать семь человек. Внимание белогвардейцев привлек листок бумаги, обнаруженный у Корганова. Это был список товарищей, сидевших в бакинской

тюрьме, по которому Корганов как выборный староста арестованных делил продукты, присылаемые с воли. В общем списке арестованных против двадцати пяти фамилий были поставлены крестики. Двадцать шестой крестик – против фамилии командира отряда Татевоса Амирова – появился позже. Этот список в дальнейшем сыграл роковую роль. К остальным арестованным палачи в спешке не проявили особого интереса.

По личному распоряжению Фунтикова был сформирован экстренный поезд. На него погрузили водку и продукты. 19 сентября Тиг-Джонс, Фунтиков и сопровождавшие их лица прибыли в Красноводск.

Молча, спокойно, один за другим вышли из камеры комиссары.

Их посадили в вагон экстренного поезда, который направился в сторону Ашхабада.

На рассвете 20 сентября поезд остановился на 207-й версте между телеграфными столбами № 118 и № 119. Из вагона вывели первую группу обреченных и у ребра песчаного перевала расстреляли. Затем вывели вторую группу.

Впоследствии, в 1920 году, группа рабочих во главе с председателем Казанджикского комитета партии Кузнецовым произвела раскопку четырех могил, в которых покоились останки двадцати шести комиссаров. Выяснилось, что комиссаров не только расстреливали, но и рубили шашками, отрубали им головы.

Убедительные доказательства виновности Фунтикова в гибели 26 бакинских комиссаров были собраны видным юристом В. Л. Чайкиным в феврале – марте 1919 года в Закаспийской области.

Получив разрешение на свидание с Фунтиковым и Седых – непосредственными участниками убийства бакинских комиссаров, Чайкин дважды, 1 и 2 марта 1919 года, встречался с ними в Ашхабадской тюрьме. В первое посещение Фунтиков и Седых ничего не говорили Чайкину об обстоятельствах казни комиссаров. 2 марта Седых сказал ему, что он и Фунтиков «в курсе всего».

Фунтиков указал, что расстрел бакинских комиссаров произведен по предварительному соглашению между главой английской миссии в Ашхабаде Тиг-Джонсом и членами закаспийского «правительства».

В 1920 году Революционный военный трибунал в Баку приговорил к расстрелу Алания – непосредственного участника расстрела бакинских комиссаров.

В апреле 1921 года выездной сессией Революционного военного трибунала Туркестанского фронта рассматривалось дело Яковлева, Германа, Седова, Баклеева, Долгова, Юсупова и других участников расстрела.

Самостоятельное дело по обвинению судовой команды и командира парохода «Туркмен» Полита в предательском изменении курса, в результате чего комиссары попали в руки английских оккупантов и белогвардейского закаспийского «правительства», рассматривалось Верховным судом Азербайджанской ССР. Все виновные получили по заслугам.

...Военная коллегия Верховного суда СССР, признав Фунтикова виновным в организации контрреволюционного восстания и захвате власти в Закаспийской области, в преступной связи с английским командованием, с целью склонения его к вооруженному вмешательству в дела Республики Советов, и в организации и осуществлении террористических актов, жертвой которых стали девять ашхабадских и двадцать шесть бакинских комиссаров, то есть в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58, ч. 1, 59 и 64 УК РСФСР (1922 г.), 27 апреля 1926 года приговорила Фунтикова Ф. А. к высшей мере наказания – расстрелу.

5 мая 1926 года приговор был приведен в исполнение.

(По материалам Н. Смирнова, полковника юстиции)

Версия вторая – современная трактовка

На самом деле события могли происходить совсем иначе. С марта 1918 года городом Баку и некоторыми его окрестностями правил Совет, в который помимо большевиков входили социал-демократы, социалисты-революционеры и армянские социалисты.

28 мая 1918 была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика. На территории Азербайджана началась Гражданская война, причем стороны конфликта противостояли не по политическому (все они были разного толка социалисты), а по национальному принципу: с одной стороны – в основном азербайджанцы, с другой – в основном русские и армяне.

Вечером 29 июля, по свидетельству Микояна, Шаумян получил «тревожные вести» о прорыве фронта азербайджанцами и отступлении красных войск до Баладжар – то есть к пригороду Баку.

Для прояснения обстановки туда был послан Микоян. На следующий день, опять же по свидетельству Микояна, азербайджанцы «подняли на занятую ими высоту орудие и начали обстрел Баладжар». Микоян приказал войскам отступать в Баку. И Бакинский Совнарком во главе с Шаумяном добровольно, по своей инициативе, сложил свои полномочия 31 июля 1918 года. Большевистское руководство решило бежать от матросов, советов и от азербайджанцев из Баку в Астрахань, находившуюся тогда под контролем красных, погрузившись на 17 пароходов для эвакуации в Астрахань.

Однако новое правительство Баку удивительно легко задержало эти 17 пароходов, хотя на них находились 10 тысяч вооруженных красноармейцев. 14 августа большевистское руководство со своими неразоруженными войсками предприняло вторую попытку бегства в Астрахань. И вновь большевики были остановлены.

Дальше следует самое интересное в этой «эпопее». Новые власти Баку арестовали 16 августа около 30 беглецов, а десять тысяч красноармейцев каким-то образом разоружили и отправили в занятую красными Астрахань на тех же пароходах.

Проще говоря, 10 тысяч красных бойцов и командиров откупились своим главнокомандующим Коргановым и несколькими большевистскими и левозэсеровскими главарями, чтобы их, эти 10 тысяч, отпустили в безопасное место.

А 35 арестованным были предъявлены обвинения «в попытке бегства без сдачи отчета об израсходовании народных денег, в вывозе военного имущества и в измене».

11 сентября, после завершения следствия Чрезвычайной комиссией, они «были преданы военно-полевому суду». Однако 15 сентября азербайджанские войска вошли в Баку, и накануне подсудимые были просто отпущены из тюрьмы.

Тогда все-таки еще было немало живых свидетелей, точно знавших, что в сентябре 1918 года в Красноводске не было ни одного британца, ни полковника, ни рядового солдата.

Относительно обвинения в ликвидации «комиссаров» британцами – то его действительно первыми выдумали не большевики, а эсеры, в лице некоего юриста Чайкина, который заявил тогда в эсеровской газете «Знамя труда», что ликвидацию будто бы организовало «английское командование».

И в завершение – мнение тов. Сталина о так называемых бакинских комиссарах, по воспоминаниям его соратника Д. Т. Шепилова:

«На Сталинскую премию была выдвинута одна работа по истории. Обращаясь ко мне, Сталин сказал: „Я не успел прочитать эту книгу. А вы читали?“ – Я сказал, что прочитал. – „И что Вы предлагаете?“ – Я сказал, что агитпроп поддерживает предложение премировать эту работу. – „Скажите, а там есть что-нибудь о бакинских комиссарах?“ – Да, есть. – „И что же, их деятельность оценивается положительно?“ – Да, безусловно. – „Тогда нельзя давать

премию за эту книгу. Бакинские комиссары не заслуживают положительного отзыва. Их не нужно афишировать. Они бросили власть, сдали ее врагу без боя. Сели на пароход и уехали. Мы их щадим. Мы их не критикуем. Почему? Они приняли мученическую смерть, были расстреляны англичанами. И мы щадим их память. Но они заслуживают суровой оценки. Они оказались плохими политиками. И когда пишется история, нужно говорить правду. Одно дело чтить память. Мы это делаем. Другое дело – правдивая оценка исторического факта“».

(Д. Т. Шепилое. Непримкнувший. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001)

При раскопках могилы в парке Баку, где были захоронены 26 бакинских комиссаров, в 2009 году обнаружены останки только 23 человек, говорится в сообщении исполнительной власти Баку. Обнаруженные останки были захоронены на бакинском городском кладбище.

Выяснилось, что среди выявленных бирок нет бирки одного из бакинских комиссаров, председателя Бакинского Совета народных комиссаров и комиссара по внешним делам Степана Георгиевича Шаумяна, что может означать, что он вообще не был захоронен в общей могиле.

Депутат парламента Азербайджана историк Насиб Насибли отмечает, что во времена горбачевской перестройки в середине 1980-х годов в прессе было много публикаций относительно того, что англичане расстреляли не всех 26 бакинских комиссаров.

В частности, как предполагается, не был расстрелян Степан Шаумян и несколько других армян. Они были перевезены в Индию, которая в то время была колонией Великобритании, и скончались там своей смертью.

Уход великих: Николай Гумилёв

Николая Степановича убили в самом расцвете его таланта; каждый новый сборник его стихов был новой гранью его творчества, новой вершиной, им завоеванной.

Мы не знаем, сколь мучительна была насильственная смерть Н. Гумилёва, но зато знаем, что умер он так же мужественно, как и жил: никого не предав, не оговорив никого из друзей и знакомых, не попытавшись спасти свою жизнь ценой подлости и измены.

Г. Иванов передает рассказ С. Боброва, поэта-футуриста, кокаиниста и большевика, возможно, чекиста, с каким достоинством Н. Гумилёв вел себя на расстреле: «Знаете, шикарно умер. Я слышал из первых уст. Улыбался, докурив папиросу... Даже на ребят из особого отдела произвел впечатление... Мало кто так умирает...»

В день ареста Н. Гумилёв провел свое последнее заседание литературного кружка, окруженный влюбленной в него молодежью. В этот вечер он был оживлен, в прекрасном настроении, засиделся, возвращался домой около двух часов ночи. Девушки и молодые люди провожали его. Около дома его ждал автомобиль. На квартире у него была засада, арестовывали всех пришедших, правда, потом освободили.

В тюрьму Николай Степанович взял с собою Евангелие и Гомера. Большинство знакомых Гумилёва было убеждено, что под арест он попал по ошибке и скоро будет освобожден.

О расстреле Гумилёва Петроград узнал 1 сентября 1921 г. из расклеенных по городу объявлений. Почему же гибель Н. Гумилёва так потрясла русское общество, уже привыкшее с февраля 1917 года к так называемому «красному террору»? После долгих лет забвения Николая Гумилёва, сопровождавших его посмертно лживых обвинений, мы еще не вполне ясно осознаем, что для многих его современников его расстрел был подобен убийству А. Пушкина.

Несмотря на всю рискованность такой акции, группа российских литераторов обратилась к советскому правительству с письмом в защиту Николая Гумилёва. Письмо подписали А. Вольнский, М. Лозинский, Б. Харитон, А. Маширов (Самобытник), М. Горький, И. Ладыжников. Даже после расстрела многие не могли поверить, что советская власть решилась уничтожить Н. Гумилёва.

В наши дни печатаются выдержки из протоколов следствия по делу Гумилева, но много остается еще нераскрытым. Мы последовательно сначала узнали, что вина Николая Гумилёва была только в недонесении, хотя об этом, прочтя текст приговора, оказывается, писал еще А. Ф. Кони: «За это по старым прецедентам можно было только взять подписку о неучастии в противоправительственных организациях и отпустить».

И. С. Гумилёв

Но неужели одна сплошная выдумка – мемуары учеников Гумилёва Ирины Одоевцевой и Георгия Иванова, в которых написано, что Гумилёв был членом контрреволюционной организации и даже возглавлял ячейку, написал (и читал Г. Иванову) прокламацию для моряков, в кронштадтские дни ходил, переодетый, вести агитацию в рабочих кварталах, во

время поездки в Крым летом 1921 года участвовал в вербовке уцелевших белых офицеров в эту организацию и т. п.? И как это похоже на Гумилёва с его склонностью к риску!

А если всего этого нет в материалах следствия, то ведь это может означать и то, что следователю Якобсону не удалось получить от мужественного поэта нужных показаний. За всем этим постоянно чувствуется какая-то недоговоренность. Арестован Гумилёв был по показаниям В. Таганцева, но, оказывается, были и другие источники, которые остались нераскрытыми. Ряду арестованных после просьб общественности наказания были смягчены (от двух лет заключения до помилования), но формально ни в чем не повинного Гумилёва это не коснулось. Мы полагаем, что главная причина расстрела Н. Гумилёва – вовсе не «таганцевское дело» и не участие в иной недоказанной контрреволюционной группе. Если бы даже никакого «таганцевского дела» не было, он все равно был бы обречен. И он сам чувствовал это. Тут и его зловещее предвидение в стихотворении «Заблудившийся трамвай», написанном им все в том же роковом 1921 году:

В красной рубахе, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне.
Она лежала вместе с другими
Там, в ящике скользком, на самом дне, —

и прямое указание в одном из последних стихотворений, что за ним ведется слежка:

После стольких лет
Я пришел назад,
Но изгнанник я,
И за мной следят.
...
Смерть в доме моем,
И в доме твоём, —
Ничего, что смерть,
Если мы вдвоем.

Главная причина его гибели – его необычайная популярность среди молодежи, его успешная деятельность в многочисленных поэтических школах и студиях (современники говорили, что те, кто побывал на гумилёвских семинарах, навсегда погибли для «пролетарского искусства»), его блестящие выступления на поэтических вечерах, наконец, завоеванный им пост главы петроградских поэтов, когда он при баллотировке обошел А. Блока. Могли ли советские руководители потерпеть такого явного лидера, кумира петроградской молодежи, не желавшего шагать в ногу с ними, да еще открыто объявлявшего себя монархистом? Скорее всего, по делу Гумилёва уже давно велась заблаговременная и тщательная подготовка.

Очень странным выглядит написание А. Блоком злой и несправедливой статьи «Без божества, без вдохновенья», направленной против акмеистов и лично Гумилёва в апреле 1921 года. Анна Ахматова говорила, что Блока «заставили» написать эту статью. Некоторые литераторы предполагали, что это друзья Блока потребовали от него, чтобы он рассчитался с акмеистами. В дневниковых записях Блока есть упоминание, что он несколько раз встречался с чекистом Озолиным в 1921 году и что, по крайней мере, при одной из таких встреч обсуждался провал Блока при перевыборах. И столь ли уж важно, получил ли Блок задание написать эту статью прямо из ЧК, или ему это передали через людей его окружения?

Интересно, что до опубликования эта статья стала всем известна, в том числе и Гумилёву, который в первый раз жестоко обиделся на Блока, но подготовил вполне корректный и обоснованный ответ (напечатанный после его смерти). Кто-то целенаправленно распространял статью А. Блока по городу. Но дальше еще интереснее – в 1921 году статья Блока так и не была опубликована: она вдруг стала не нужна. Гумилёва подключили к «таганцевскому делу», решено было осудить Гумилёва за причастность к Петербургской боевой организации (ПБО), что показалось проще и эффективнее, чем преследовать поэта на идеологической почве. Статья Блока была опубликована только в 1925 году, через 4 года после смерти и Блока, и Гумилёва, когда неиссякаемая популярность поэзии Николая Степановича, которого продолжали издавать посмертно, заставила искать средства его дискредитации.

(По материалам А. Доливо-Добровольского, редакция журнала СПб., gumilev.ru@gmail.com)

Пуля для полпреда Воровского

Утром 10 мая 1923 года полпред РСФСР и УССР в Италии Вацлав Вацлавович Боровский прибыл во главе советской делегации в Лозанну на международную конференцию по Ближнему Востоку, чтобы подписать и поныне действующую конвенцию о режиме судоходства в контролируемых Турцией черноморских проливах. Вечером того же дня Боровский ужинал в ресторане гостиницы «Сесиль» со своим помощником Максимом Дивильковским и Иваном Аренсом, освещавшим работу конференции в советской печати берлинским собкором агентства новостей РОСТА. Увлечшись разговором, они не обратили внимания на молодого человека, подошедшего к ним от соседнего столика.

Наверное, Боровский так и не успел понять, что произошло. Вытащив из кармана брюк браунинг, молодой человек сразил его наповал первым же выстрелом в затылок. Еще две пули достались Аренсу – раненный в плечо и бедро, он вместе со столом обрушился на пол. Но добить его убийца не успел – 19-летний Дивильковский, не имевший при себе никакого оружия, бросился на террориста. Тот выстрелил в упор в последний раз, ранив юношу в бок, и протянул оружие подбежавшему метрдотелю со словами: «А теперь зовите полицию!»

Памятник В. В. Воровскому в Москве

В день убийства Воровского начальник полиции Лозанны Робер Жакийяр на первом же допросе выяснил как личность убийцы, так и мотивы преступления. Стрелявшим оказался Морис Конради – 26-летний гражданин Швейцарии и уроженец России, куда переехал на жительство еще его дед. К моменту рождения Мориса в Санкт-Петербурге в 1896 году его родные владели там шоколадной фабрикой, ощущая себя «более русскими, нежели швейцарцами». Сам Морис Конради в 1916 году, не доучившись на инженера в Петроградском технологическом институте, ушел добровольцем на фронт – воевать за Россию против Германии и Австрии.

После октября 1917 года шоколадная фабрика Конради была национализирована. Дядю, тетю и старшего брата Мориса расстреляла ЧК в разгар «красного террора» как «агентов мировой буржуазии», а его отец умер в тюрьме. Сам Морис Конради бежал из Петрограда на юг и сражался против большевиков в Белой армии вплоть до ее эвакуации из Крыма осенью 1920 года. Конради, имевший к тому времени чин капитана и жену-беженку

из Польши, уехал с ней через Турцию в Швейцарию, где с помощью дальней родни устроился скромным клерком в один из торговых домов Цюриха. Там же к нему присоединились мать и четверо младших братьев и сестер, чудом выбравшихся из России, доказав свое швейцарское гражданство.

В марте 1923 года Морис внезапно оставил работу и отправился в Женеву, где встретился со старым другом и однополчанином по Белой армии – 33-летним Аркадием Полуниным, работавшим в не признанной СССР российской миссии при Международном Красном Кресте. Конради заявил Аркадию о своем желании «убить кого-нибудь из советских вождей, чтобы отомстить за семью». Полунин, тесно связанный с жившими тогда в Болгарии лидерами военной эмиграции генералами Врангелем и Кутеповым, предложил Морису отправиться на «охоту за большевиками» в Германию. На их счастье, Конради, побывавший в Берлине 13–14 апреля 1923 года, не застал их в советском постпредстве и ни с чем вернулся в Женеву к Полунину. Но, узнав из газет о предстоящем приезде в Лозанну Вацлава Воровского, друзья решили расправиться с ним, «как с очень даровитым человеком, который смог бы наилучшим для Советов образом отстоять их интересы на конференции».

На следующий день после убийства Воровского в Женеве был арестован Полунин. Он сказал, что был единственным сообщником Конради, хотя советское руководство почти сразу заявило: «В любом случае часть вины лежит на швейцарских властях, не обеспечивших безопасность советской делегации».

Процесс по делу об убийстве Воровского начался в Лозанне 5 ноября 1923 года. Ничуть не раскаявшийся в своих деяниях Конради заявил: «Я верю, что с уничтожением каждого большевика человечество идет вперед по пути прогресса. Надеюсь, что моему примеру последуют другие смельчаки, проявив тем самым величие своих чувств!» 14 ноября 1923 года присяжные большинством в 9 против 5 голосов признали Мориса Конради «действовавшим под давлением обстоятельств, проистекших из его прошлого», и, стало быть, не подлежащим уголовному наказанию. Правда, судья обязал его и Полунина возместить судебные издержки и ходатайствовал о высылке последнего из страны «за злоупотребление правом убежища и нарушение общественного порядка». Этот оправдательный приговор был с большим одобрением встречен западной и русской эмигрантской прессой.

Трагическая судьба была уготована в дальнейшем большинству людей, связанных с делом об убийстве Воровского. В 1938 году на подмосковном полигоне НКВД «Коммунарка» был расстрелян объявленный «немецко-польским шпионом» Иван Арене, занимавший до ареста должность генконсула СССР в Нью-Йорке. Помогавший Конради штабс-капитан Аркадий Полунин «при загадочных обстоятельствах» скончался в Париже в мае 1932 года.

Что до убийцы Воровского, то впоследствии Морис Конради не раз был судим по чисто уголовным мотивам. В 1931 году он попал за решетку в Женеве за угрозы пистолетом (быть может, тем же самым браунингом) танцовщицам местного варьете. Выйдя на свободу, Конради завербовался наемником во французский Иностраннный легион, где вновь был судим уже военным трибуналом за нарушения дисциплины. Его следы затерялись в годы Второй мировой войны – в полицейском музее Лозанны сохранилась лишь восковая фигура убийцы. Тогда как в Москве во двореке бывшего Наркомата иностранных дел на Кузнецком мосту с мая 1924 года и по сей день стоит памятник Вацлаву Воровскому.

(По материалам М. Токарева. Peoples.ru)

Отстрел «неуправляемых» Кто убил комбрига Котовского?

7 августа 1925 года в газете «Правда» появилась странная информация: «Харьков. В ночь на 6 августа в совхозе Цупвоенпромхоза „Чебанка“, в тридцати верстах от Одессы, безвременно погиб член Союзного, Украинского и Молдавского ЦИКа, командир конного корпуса товарищ Котовский». И больше ни слова.

...Душной августовской ночью 1925 года в совхозе «Чебанка» под Одессой прогремели два выстрела. Вторым, если верить официальной версии, был наповал сражен герой Гражданской войны Григорий Котовский. Стрельба разразилась рядом с дачей, где семья Григория Ивановича проводила отпуск. Супруга Ольга Петровна в считанные секунды подбежала к распластавшемуся у калитки телу.

Г. И. Котовский

Позже экспертиза определила, что пуля малокалиберного пистолета пробила аорту. Это сразу вызвало определенные сомнения: человек мощного телосложения при таком характере ранения агонизировал бы еще некоторое время. А тут мгновенная смерть.

Уже через несколько часов после трагедии был задержан предполагаемый убийца – Майер Зайдер, фуражир кавалерийского корпуса, в который незадолго до случившегося

была преобразована бригада Котовского. Котовский неожиданно для всех приблизил его к себе летом девятнадцатого года.

В царские времена Зайдер, известный в воровских кругах содержатель публичного дома под кличкой Майорчик, несколько раз прятал у себя Котовского от жандармов.

Когда Майера арестовали прямо на проселочной дороге, он шел из Чебанки в Одессу, насвистывал что-то. Впоследствии было заявлено, что в складках его одежды обнаружили дамский наган, выстрел из которого якобы и остановил сердце легендарного комбрига.

Тысячам людей, пришедших в день похорон к гробу народного героя, сообщили, что комбриг пал от руки наймита международного империализма. Но Майорчика судили за обычное бытовое преступление, совершенное на любовной почве. И судьи за убийство, произведенное в состоянии аффекта, дали Майорчику десять лет тюрьмы.

Узнав о вердикте трибунала, сподвижники Котовского пришли в негодование. Известный до революции одесский вор, Григорий Вельдман, впоследствии ставший командиром эскадрона в бригаде Котовского, поднял по тревоге своих всадников. Они окружили городскую тюрьму, где содержался Зайдер, и потребовали его выдачи для самосуда. Но Майорчик даже свою «законную» десятку не отсидел – через два года его освободили по амнистии в связи с десятилетием Октябрьской революции.

Освободившись, Зайдер обосновался в Харькове, где работал сцепщиком вагонов на станции. Спустя два года Майорчика задушили, а тело положили на рельсы, чтобы имитировать несчастный случай, но поезд опоздал.

В деле комбрига действительно полно несуразиц, позволяющих со значительной долей уверенности утверждать, что официальная версия смерти далеко не соответствует действительности. Многие очевидцы события утверждали, например, что выстрелов в ту роковую ночь было не два, а погиб комбриг не у дачи, а на пляже в Лузановке, где прилег Котовский отдохнуть, возвращаясь со встречи с детьми из пионерского лагеря. На берегу моря и прогремел первый, ставший смертельным, выстрел. А у дачи произошла лишь имитация убийства. Потому-то могучий комбриг и не агонизировал от пули...

В течение шестнадцати лет тело Котовского лежало в мавзолее – легендарный комбриг был единственным, кому в то время советский народ оказал ленинские почести, – в городе Бирзуле (ныне Котовск Одесской области). В 1941 году румынские оккупационные власти распорядились взорвать усыпальницу. А саркофаг с прахом был вывезен в неизвестном направлении.

Утрачено и сердце комбрига.

Сын героя, ведущий сотрудник Института востоковедения РАН Григорий Григорьевич Котовский, говорил, что еще в 1936 году Тухачевский ссылался на вышедшую в Варшаве книгу, в которой якобы утверждалось, что Котовского убили по распоряжению советской власти.

Григорий Григорьевич нашел эту книгу в Варшавском университете в 1969 году. В ней действительно доказывалось, что Котовского убили большевики, поскольку он был человеком прямым и независимым, обладал огромной популярностью в народе.

Более серьезным основанием полагать, что власть причастна к его смерти, являлась озабоченность тогдашнего советского руководства дружбой Котовского с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Легендарные военачальники сблизились в 1922 году. А уже в 1925-м Фрунзе принял решение назначить отца, вспоминал сын комбрига, своим заместителем.

Однако перевести Котовского в Москву Фрунзе не успел.

Официальную версию смерти друга Фрунзе воспринял с недоверием и затребовал материалы по этому делу. Но увидеть их не успел, поскольку вскоре и сам ушел из жизни.

По словам Григория Григорьевича, у него был разговор с одним военным следователем, который сообщил, что в сверхсекретном архиве органов госбезопасности он ознакомился

с делом Котовского. Оказывается, еще в двадцатые годы, при жизни комбрига, в Москву регулярно поступали внутренние донесения о нем. Стало быть, Котовский был одним из тех, за кем следила ЧК.

Если проанализировать ситуацию периода гибели Котовского, невольно напрашивается вывод, что сразу после Гражданской войны в стране начался отстрел «неуправляемых». Первым не менее загадочным образом погиб легендарный Камо (Тер-Петросян) – до революции самый отчаянный боевик в партии большевиков. В 1922 году он попал в Тифлисе под колеса автомобиля. Котовский, выходит, был вторым. Вскоре не стало и Фрунзе. А за ними последуют и многие другие.

(По материалам А. Тхорова)

Гибель Фрунзе – кому это было выгодно?

Десятилетиями ответственность за смерть М. В. Фрунзе на операционном столе пытаются приписать Сталину, выставляя едва ли не главным документальным доказательством его вины очень непростое по своему значению давнее произведение писателя Бориса Пильняка (Вогау) «Повесть непогашенной луны».

Чтобы понять это, вернёмся к судьбе самого Фрунзе. В январе 1925 года Михаил Васильевич Фрунзе сменил на посту председателя РВС СССР и наркомвоенмора самого Троцкого.

Не успев возглавить РВС, Фрунзе начал давно назревшую военную реформу: а) резкое сокращение вооружённых сил с более чем 5 миллионов человек до 500 тысяч; б) сокращение центрального военного аппарата, неимоверно разбухшего за годы правления Троцкого в основном за счёт его сторонников; в) соответственно, столь же резко была сокращена и численность РВС, Наркомата по военным и морским делам, а также Генштаба, перенашпигованных троцкистами.

М.М. Фрунзе. Художник И.М. Бродский

Стоит ли после этого удивляться, что уже летом 1925 года в Москве, где в те годы легче было попасть под копыта конных экипажей, Фрунзе «удалось» дважды попасть в автомобильные катастрофы, в результате которых он получил ушибы рук, ног и головы, и в итоге у него вновь открылось кровотечение язвы желудка.

Летом того же года Фрунзе стал настойчиво добиваться назначения себе ещё одного заместителя – Григория Котовского, легендарного героя, который ещё со времён советско-польской войны воевал бок о бок со Сталиным и Будённым.

То есть подбирался военный триумvirат – Фрунзе, Ворошилов и Котовский, – противостоящий Троцкому и стилю его правления. Все трое были смелыми, решительными, волевыми командирами, не пасовавшими перед трудностями, способными находить оригинальные решения самых сложных задач. К тому же все трое, хотя и в разной степени, но тем не менее были вполне на короткой ноге со Сталиным.

Однако 5 августа 1925 года Григорий Котовский был злодейски убит наёмным убийцей. Потрясённый нелепой смертью своего друга и ещё более нелепым следствием, которое вёл Особый отдел ОГПУ, Фрунзе всерьёз заподозрил неладное и затребовал в Москву все документы по расследованию убийства Котовского. Но тут его самого «заоперировали», и 31 октября 1925 года в 5 часов 40 минут Фрунзе не стало.

Разве в интересах Сталина было разрушать такой удачный для него триумvirат в военном руководстве страны, триумvirат из авторитетнейших военных того времени?

Что же произошло в результате трагических смертей Фрунзе и Котовского? Ворошилов был назначен председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам, а Тухачевский с должности помощника Фрунзе был катапультирован напрямую в кресло начальника Генштаба, сменив на этом посту опытного царского полковника С. С. Каменева.

И если из трёх ярых противников Троцкого – Фрунзе, Котовского, Ворошилова – последовательно выбить наиболее сильных первых двух, то ненавистному для Льва Давидовича Сталину ничего не останется, как только протащить кандидатуру своего верного Ворошилова на пост председателя РВС СССР. А вслед за ним взлетит и Тухачевский, который с апреля 1924 года уже был в РВС на должности помощника Фрунзе. Только в последние годы отечественные историки наконец стали понимать: во время Гражданской войны Троцкий и его сторонники целенаправленно и планомерно уничтожали, в том числе и чужими руками, не исключая белогвардейских, наиболее талантливых полководцев из народа – Чапаева, Щорса, Тимофея Черняка, В. Боженко, А. Богунского, впоследствии Фрунзе, Котовского и других. А если к этому добавить, что за кулисами этих убийств, как правило, стояли фигуранты процессов 1937–1938 годов и их приспешники, то нет никаких оснований сомневаться в названном умысле Троцкого!

(По материалам А. Мартиросяна)

Роковой диагноз Бехтерева

В декабре 1927 года академик В. М. Бехтерев собирался в Москву на съезд психиатров и невропатологов. Неожиданно пришла правительственная телеграмма с просьбой сразу же по приезде позвонить в Кремль.

Сильные мира сего всегда считались с Владимиром Михайловичем. Он слыл человеком независимым и абсолютно бесстрашным, не поступааясь совестью ни при каких обстоятельствах.

Свободомыслящий академик встретил революцию восторженно, но не изменил ни поведения своего, ни привычек. «На всякий случай» в ЧК на него завели дело. Однако не он в этой власти нуждался, а она – в нем, включая обитателей Смольного, Кремля и самых высокопоставленных чекистов.

Неудивительно, что кремлевский лечсанупр частенько прибегал к услугам Владимира Михайловича. Однако на сей раз консультация была окутана необычайной таинственностью. До самого последнего мгновения Бехтерев не знал, куда его привезут.

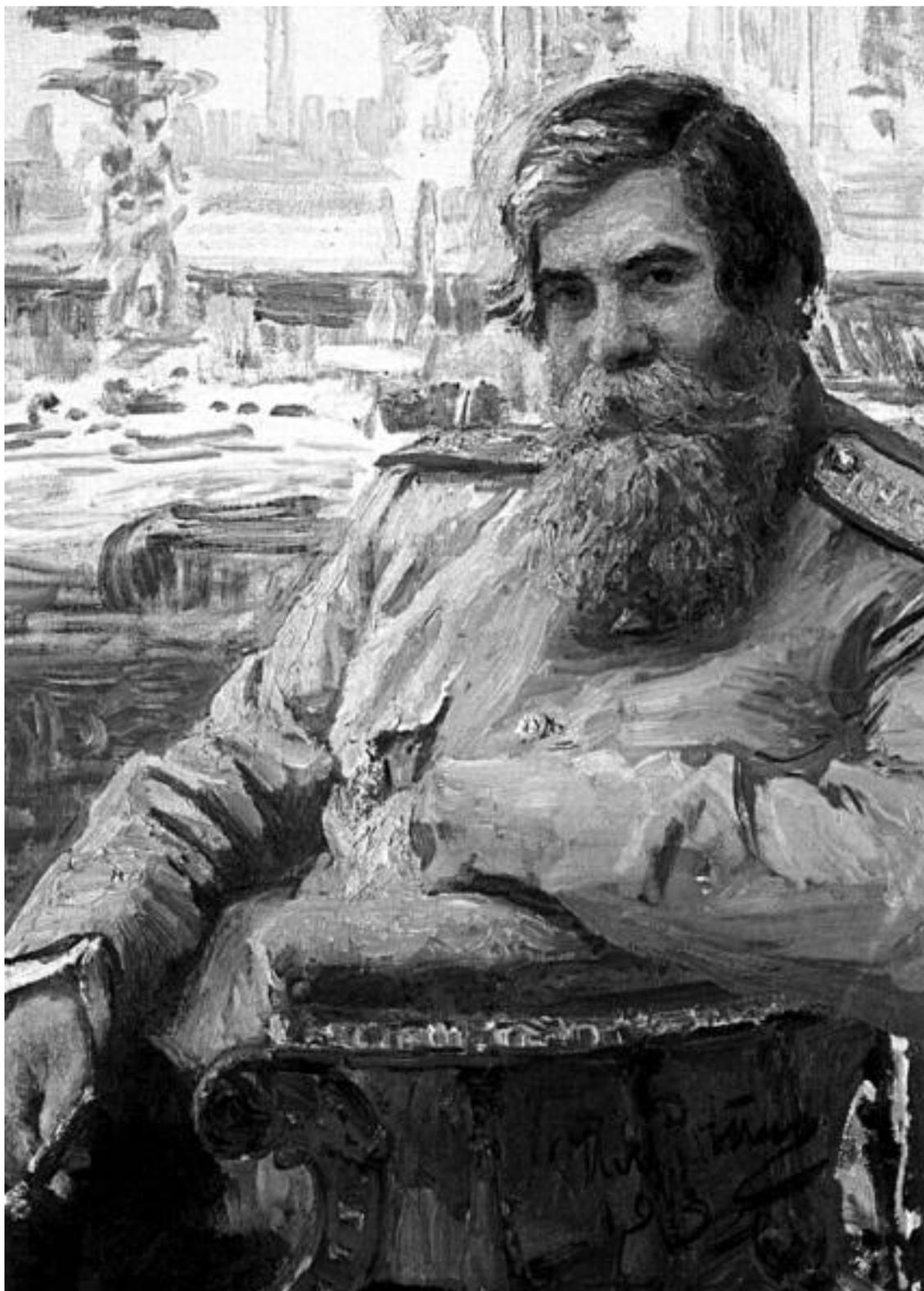
Привезли к Сталину.

По слухам, диагноз уместился в одно убийственное, как пуля, – слово:

– Паранойя!

Количество научных работ Бехтерева приближалось к трем сотням. Его «Основы учения о функциях мозга» были переведены на все европейские языки. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона посвятил ему целую колонку с портретом. Для настоящего врача больной есть больной, даже если он относится к медикам с враждебностью и подозрительностью. Кстати, для психиатра это один из симптомов неблагополучия.

Но мыслимо ли, чтобы к Сталину пригласили психиатра? Нет, не психиатр был зван в Кремль – невропатолог. Сталина сильно беспокоила усыхающая рука, да к тому же именно в тот период у него начала развиваться стойкая ночная бессонница. Основания показаться специалисту, таким образом, были, но вот поставленный Бехтеревым диагноз...

В. М. Бехтерев. Художник И. Е. Репин

Итак, Бехтерев отправился в Москву на съезд психиатров и невропатологов. Факт его прибытия, равно как и факт скорострительной кончины академика, отразили газеты. В частности, «Известия» писали, что Бехтерев почувствовал себя плохо 23 декабря 1927 года, сразу же по возвращении из театра. Запомним эту дату, ибо за ней скрывается многое. В конце того дня академик вместе с делегатами съезда поехал в Большой театр. В «Вестнике знания»,

в частности, говорилось: «В. М. Бехтерев приехал в Москву из Ленинграда для участия в работе съезда психиатров и невропатологов, на котором он был избран почетным председателем. В. М. Бехтерев почувствовал недомогание утром, 24 декабря, к Владимиру Михайловичу был вызван профессор Бурмин, который констатировал желудочное заболевание».

Посвященные хорошо знали: еще со времен ЧК в ОГПУ работала лаборатория по изготовлению ядов, с каждым годом совершенствуя выпускаемую продукцию. Вот и позаботились о том, чтобы появился хоть какой-то интервал времени: дескать, не в одночасье помер, а сначала слегка занемог.

Естественно, слухи об отравлении академика Бехтерева не только не утихали, но ширились. Пришлось дать в прессу новое сообщение, где уже фигурировал консилиум: «проф. Шервинский, д-р Константиновский и др.». Однако «диагноз» все так же странен: «острое желудочно-кишечное заболевание».

Очевидцев, встречавшихся с Бехтеревым в его последний день, это никак не могло убедить.

Делегаты съезда рассказывали, что на пленарное заседание Бехтерев приехал только под самый конец. На вопрос, почему припозднился, ответил якобы так:

– Смотрел одного сухорукого параноика...

В фойе, опять же по свидетельству очевидцев, Бехтерева встретили какие-то «прекрасно одетые молодые люди». Они и увели академика в буфет. Многие видели его сидящим за столом, уставленным вазами с пирожными и бутербродами. Заметили также, что после антракта место Бехтерева в ложе бенуара осталось незанятым.

Семья требовала выдать тело и протестовала против кремации. Но кто считался с такими пустяками? Жена Бехтерева вскоре исчезла в ГУЛАГе, сыну дали «десять лет без права переписки»...

Специалисты избегают говорить о психическом заболевании Сталина в собственном смысле слова. Указывают, скорее, на психопатические черты характера, склоняясь то к шизоидной, то к параноидной психопатии. Но Бехтерев был наделен могучим даром. Проникнуть в сознание больного и поставить диагноз без «наводящих вопросов» для него не составляло труда. Умел исцелять и словом и взглядом, в том числе от паралича и нарушений сна.

«В прежние времена подобные случаи, – говорится в его работе „Внушение и чудесные исцеления“, – исцелялись силой внушения. Точно так же... производилось исцеление „сухоруких“, „расслабленных“, „мнимоумерших“... и пораженных истерическим параличом рук».

Не исключено, что тот первый и последний сеанс принес Сталину облегчение. Целый год генсек не жаловался на омертвление руки: готовился свернуть шею крестьянству и как следует припугнуть интеллигенцию на первом «открытом» процессе.

Чтобы погибнуть, академику Бехтереву вовсе не обязательно было упоминать паранойю. Вполне достаточно «истерического паралича».

(По материалам Е. Парнова)

Пропавший архив Ленина

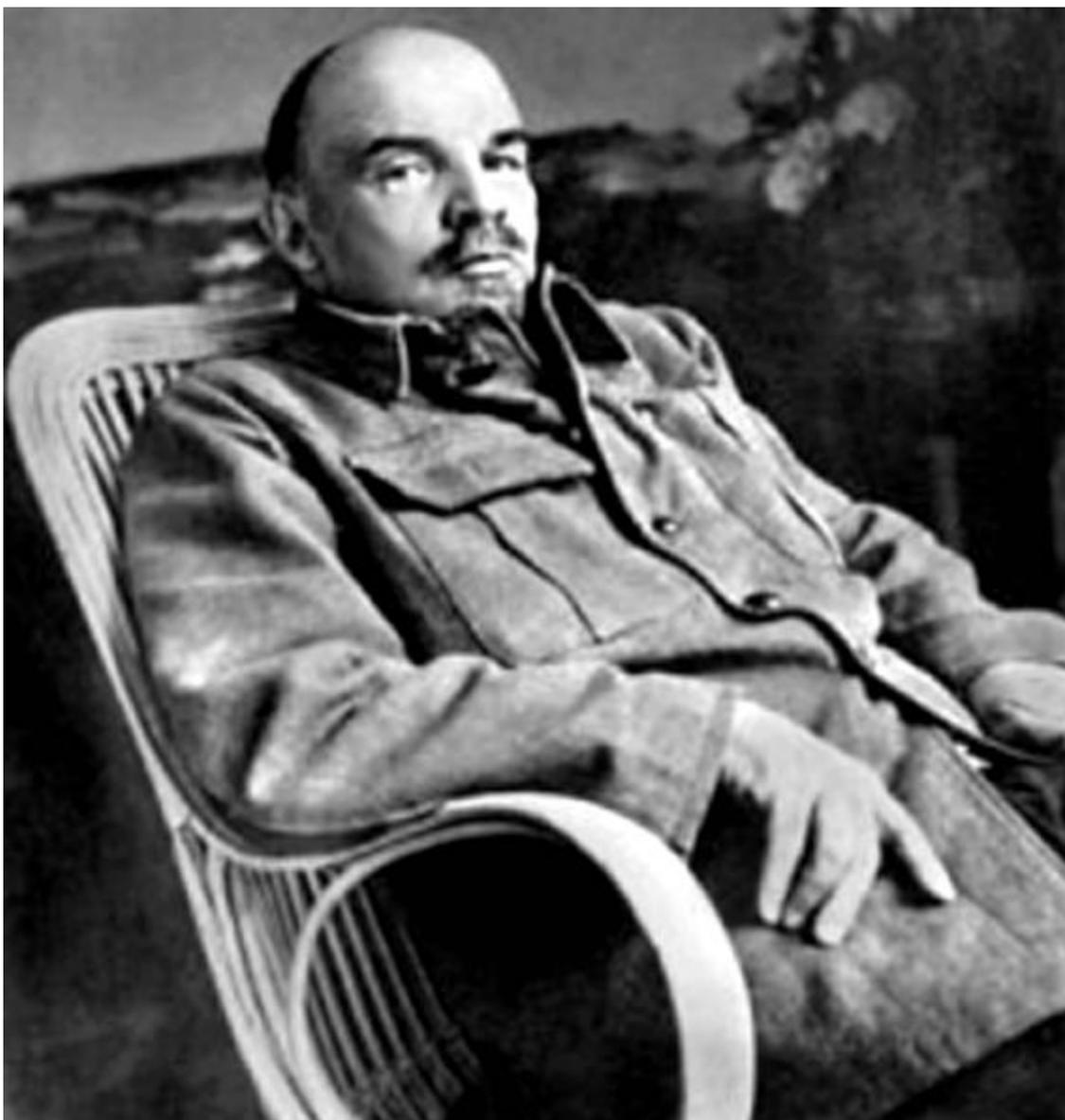
Не так давно в прессе было опубликовано сообщение: «Коммунистическая партия США передала в дар библиотеке частного Нью-Йоркского университета свой архив, долгое время считавшийся пропавшим. Последний состоит из 12 тысяч коробок и содержит партийные документы, шифры, секретные ключики, воспоминания активистов, инструкции, фотографии и россыпи значков с изображениями Владимира Ленина, а некоторые из этих документов являются историческими реликвиями».

Итак, архивы американской компартии в целостности и сохранности оказались там, где им и место: в библиотеке в широком доступе. Чего не скажешь об архивах когда-то руководящей и направляющей партии нашей страны. Речь идет об интереснейших бумагах, пропавших в самый начальный период становления советской власти и так и не обнаруженных ни ее сторонниками, ни противниками...

В 1918 году, когда немцы практически вплотную подошли к Петрограду, из Смольного на вокзал, а оттуда – транзитом в Екатеринбург было отправлено несколько ящиков, содержащих в себе архив ЦК компартии и работы В. И. Ленина за период с февраля до октября 1917 года. С тех самых пор его никто не видел и никто толком не знает, куда этот архив подевался.

То, что этот архив существовал и был отправлен за Урал, – несомненно. Но все попытки найти его и в тридцатые годы, и в пятидесятые успехом не увенчались.

И только в 1960-е годы в парторганизацию города Новоалтайска явился человек, который поведал, что в 1918 году, будучи десятилетним мальчишкой, он проживал в рабочем поселке Чесноковка (с 1962 года – Новоалтайск) у своего дяди – железнодорожника по профессии и ярого большевика. Как-то по весне дядя вернулся домой на телеге, груженной несколькими большими зелеными деревянными ящиками. Ящики сопровождали еще несколько человек.

В. И. Ленин

Племянника дядя отослал на крышу сарая: внимательно смотреть по сторонам, а сам с товарищами принялся копать неподалеку огромную яму. В эту яму и были загружены ящики. Племяннику дядя велел запомнить это место «на всякий случай», предупредив, что в ящиках содержится архив Смольного.

25 мая 1918 года на Урале восстали солдаты Чехословацкого корпуса. Вскоре всех не успевших скрыться большевиков, в том числе и причастных к тайнику, за исключением малолетнего племянника, арестовали белогвардейцы и затем расстреляли. В числе расстрелянных оказался и один из главных руководителей советской власти в Барнауле некто Иван Вонифатьевич Присягин (1885–1918).

Этот человек был одним из тринадцати слушателей школы Лонжюмо, созданной компартией для подготовки кадров. В этой школе Ленин сам читал лекции своим сподвижникам.

В Барнауле Присягин впервые появился осенью 1912 года. Он очень много ездил по Алтаю и справедливо считался лидером всех местных большевиков. Когда в Петрограде назрел кризис, кому как не Присягину можно было доверить спрятать архив в безопасном,

казалось, месте далеко за Уралом. В середине мая сподвижник Ленина отправляется в Омск, чтобы встретить груз, уже отправленный из Екатеринбурга.

Но тут восстали чехословаки. Присягин узнает об этом, находясь в Новониколаевске (ныне – Новосибирск). Чтобы в те времена добраться до Барнаула, на дорогу нужны были сутки. И Присягин, уже получивший ценный груз, решает пробиваться с архивом домой в Барнаул, поближе к верным людям. Однако 15 июня 1918 года Барнаул был взят белыми. Присягин пытается еще вместе с ящиками добраться до Омска. По пути его арестовывают и расстреливают, но никаких ящиков при нем не обнаружилось.

Таким образом, есть предположение, что архив Смольного Присягин зарыл неподалеку от Барнаула, в бывшем селе Чесноковка (Новоалтайск) – недалеко от дороги, при помощи и под надзором своих товарищей по партии. Сейчас в том месте давно уже нет ни сараев, ни огородов, все наглухо закрыто асфальтом, так что просто пойти и покопать – не получится. Выяснить подробности, касающиеся неизвестного гостя, единственного свидетеля, поведавшего почти полсотни лет назад историю загадочных ящиков, не представляется возможным. Люди, встречавшие его лично, умерли, а переписка не сохранилась.

Несомненно, что историческая ценность этого архива огромна, но найдут ли его когда-нибудь?

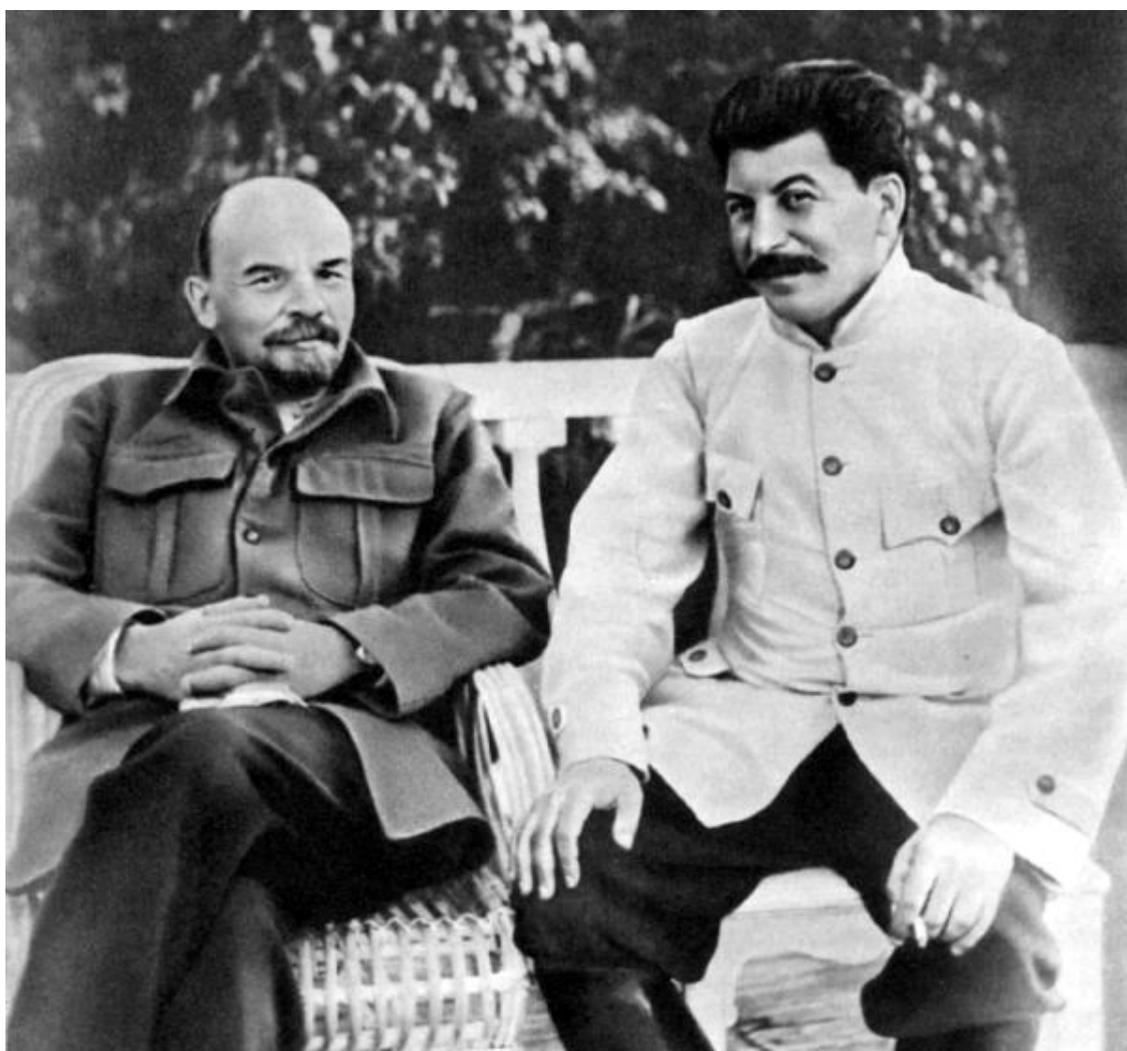
(По материалам И. Савельева)

Интриги вокруг умирающего Ленина

В конце 1922 года состояние здоровья В. И. Ленина оказалось резко подорванным. С ним случились один за другим два инсульта. В результате их Ленин, бывший очень мощным и энергичным человеком, превратился в недееспособную развалину и был помещен в усадьбу Горки.

Вскоре врачи дали заключение, что восстановление Ленина если и будет возможно, то явно не в ближайшем будущем. Следовательно, нужно было искать преемника или хотя бы временно исполняющего обязанности.

Наиболее реальным кандидатом в преемники был нарком армии и флота Лев Троцкий. Троцкого могла поддержать Красная армия. За ним же была недавняя победа в Гражданской войне.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках

Но в партии большевиков была и немалая прослойка «либералов», которые устали от «военного коммунизма» и которых устраивал введенный Лениным НЭП и разные послабления. Основными «либералами» были Рыков, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Луначарский, Чичерин, супруга Ленина Н. К. Крупская, его сестра М. И. Ульянова и т. д.

И эти-то либералы очень испугались Троцкого, ибо видели, что если он придет к власти, то послаблениям придет конец и вновь будет раскручен маховик «военного коммунизма».

Эта либеральная группа не смогла выдвинуть из своей среды кандидата в преемники, который был бы поддержан всеми.

И тогда они начали искать противовес Троцкому на стороне. Варианта этих противовесов было два. Первым был председатель ВЧК Феликс Дзержинский.

Вторым вариантом был тогда скромный нарком по делам национальностей Иосиф Виссарионович Сталин.

Незадолго перед этим в 1921 году Ленин сделал Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б). Должность генерального секретаря тогда была не тем, чем ее сделал тот же Сталин в годы уже своего правления.

Сталин еще с Гражданской войны воспылил смертельной ненавистью к Троцкому.

30 декабря 1922 года на свет появилось первое детище Сталина, как наркома по делам национальностей – Союз Советских Социалистических Республик.

Это добавило ему популярности, и «либералы» обратились за помощью именно к Сталину, который и начал действовать.

Во-первых, он в 1923 году, проведя ряд комбинаций, смог настроить против Троцкого часть военных и фактически подготовить его смещение с поста наркома армии.

21 января 1924 года в 18.50 по московскому времени с Лениным случился третий удар, который стал смертельным.

Уже в феврале 1924 года борьба за власть вновь возобновилась. И этот второй этап был триумфальным шествием Сталина. Во-первых, был свергнут Троцкий. Сначала он был лишен должности наркома армии, затем в 1929 году выслан из страны и наконец в 1940-м убит в Мексике по приказу Сталина.

Затем вдруг «внезапно» умерли два возможных конкурента Сталина. Это были Дзержинский и преемник Троцкого на посту наркома армии М. В. Фрунзе.

«Либералы» были в ужасе. Сталин, на которого они надеялись как на «избавителя» от Троцкого, сам оказался тираном даже худшим, чем Троцкий.

И к 1929 году Сталин достиг уже абсолютной власти в стране.

А теперь попробуем проследить события тех дней по открывшимся документам.

3 марта 1921 года Ленин пишет записку Каменеву, впервые опубликованную в 1989 году: «Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное [...]. На съезде и пленуме Цека важен и мой доклад. Очень боюсь, что ни там, ни здесь не смогу. [...] Имейте в виду, что обмен коротенькими записочками [...] нервы выносят лучше разговоров (ибо я могу обдумать, отложить на час и т. д.). Оч[ень] прошу поэтому завести стенографистку и чаще посылать мне (перед Пол[ит] Бюро) записки в 5-10 строк. Я подумаю час-два и отвечу».

Думать час-два над запиской в 5-10 строк – это уже не Ленин октября 1917 года!

Отметим также, что 1921 год, когда писалась записка Ленина – год введения НЭПа – второго, после Брестского мира, оппортунистического шага Ленина. По непопулярности в кругах партийно-коммунистической номенклатуры НЭП мог сравниться только с Брестским миром. Точнее – компромисс на внутреннем фронте (НЭП) явился следствием компромисса на фронте внешнем (Брестское соглашение). Ленин создавал систему, при которой всевластный, но голодный коммунист должен был мирно сосуществовать с бесправным, но сытым нэпманом.

Такое униженное положение партийного актива было самой благоприятной почвой для новых заговоров, конкретными предпосылками которых были, во-первых, оставление Дзержинского во главе ГПУ; во-вторых – выдвижение Сталина на пост генсека весной 1922 года; в-третьих, первый удар у Ленина, происшедший 25–27 мая.

Не позднее 10 июня Ленин оказывается изолированным в Горках людьми Дзержинского (разумеется, под предлогом необходимости покоя и лечения). Об этом становится известно из письма Л. П. Серебрякова от 10 июня наркому социального обеспечения А. Н. Винокурову. Загадочным образом письмо это оказалось в редакции «Тайме» и, разумеется, было опубликовано (2 августа 1922 года в обратном переводе с английского берлинской белоэмигрантской газетой «Руль»): «Возвращайтесь, как можно скорее. [...] С Ильичем дело так плохо, что даже мы не можем добиться к нему доступа. Дзержинский и Смидович охраняют его как два бульдога от всех чужих и никого не допускают к нему, или даже во флигель, в котором он живет. Я считаю эту тактику бессмысленной, так как она ведет только к распространению легенд и самых невероятных слухов.

Еще не совсем ясно, кто эти трое, которые должны составить директорию. ЦИК снял кандидатуру Рыкова. Правда, что Каменев сильно за него борется... Что касается Сталина, то он решительно отказывается работать с Каменевым. В то же время среди нас закипают семейные ссоры, как раз в момент, когда они нам менее всего нужны. Более всего раздражает меня Радек, занявший таинственную позицию в одно и то же время по отношению к ЦИКу и к нам, в особенности в отношении Троцкого. Он и Склянский всегда вместе.

Кремль ежедневно осаждается всякого рода делегациями и носителями петиций из отдаленнейших углов, и они являются не от имени советских учреждений, а от всякого рода кружков и групп, которые возникли независимо от контроля партийных органов. Многие из них самые настоящие русские крестьяне, отношение которых к правительству теперь совсем не так благоприятно, как оно было раньше. Меня очень смущает мысль, что мы были слишком поглощены нашими действиями за границей и недавним нашим первым „министерским кризисом“, что мы потеряли контакт с крестьянским настроением и не будем в состоянии приноровить его в надлежащий момент к нашим целям. Сталин, кажется, единственный человек, видящий вещи так, как они есть.

Мы среди острого экономического кризиса, Москва перегружена товарами. Никто их не покупает и они циркулируют среди узкого кольца спекулянтов, которые в конце концов исчезают с горизонта. Спекулянтский элемент начинает теперь утекать из России за границу. Это симптом не очень благоприятный для новой экономической политики. [...] С коммунистическим приветом. Ваш Серебряков».

Можно было бы считать, что «Тайме» опубликовала фальшивку. Однако 18 июня, всего через 8 дней после написания письма Серебряковым, все та же газета «Руль» опубликовала следующую заметку: «Официальное сообщение о болезни Ленина.

Опубликованное советским правительством сообщение о болезни Ленина гласит: „Бывший председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин-Ульянов страдает тяжким переутомлением, последствия которого осложнились отравлением. Для восстановления своих сил товарищ Ленин должен на продолжительное время, во всяком случае до осени, удалиться от государственных дел и отказаться от всякой деятельности. Его возвращение к политической работе представляется вероятным после продолжительного отдыха, так как, по мнению медицинских авторитетов, восстановление его сил возможно“».

Поскольку отставка Ленина, объявленная одним лишь «Рулем», произошла негласно и сам Ленин об этом не знал, мы вправе назвать происшедшее государственным переворотом, т. е. актом незаконным. Но это, в конце концов, формальная юридическая тонкость. Важнее вопрос о яде. Читатели «Руля», разумеется, считали, что речь идет о тех самых отравленных пулях, которыми Каплан стреляла в Ленина. Проблема лишь в том, что пули, ранившие Ленина, были самыми обыкновенными.

Обратимся теперь к Троцкому. В 1939 году он написал статью, в которой рассказал о возможном отравлении Ленина Сталиным. Не исключено, что это была первая осторожная попытка Троцкого поведать правду. Если б его откровения, граничащие с разглашением

государственной тайны, были бы приняты Западом и заинтересовали его, Троцкий, кто знает, мог бы оказаться более разговорчивым. Но общественные и политические круги свободного мира молчали. В разоблачениях Троцкого никто не был заинтересован.

Статья, законченная для журнала «Лайф» 13 октября 1939 года, так и не была там опубликована. 10 августа 1940 года Троцкий издал статью в урезанном виде в журнале «Либерти». Через десять дней он был убит агентом НКВД.

Похоже, что и Дзержинский не избежал общей участи. Слухи о том, что Дзержинский умер не своей смертью, ходили давно. 2 июня 1937 года Сталин выступил с обширной речью о раскрытии военно-политического заговора на расширенном заседании военного совета при наркомате обороны. Касательно Дзержинского Сталин сказал следующее:

«Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. [...] Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось».

«Не удалось» на языке Сталина означало, что Дзержинский был убран.

(По материалам Ю. Фельштинского, доктора исторических наук)

Оккультный отдел НКВД

Долгое время идеология советского государства считалась подчеркнута материалистической, в ней не было места «буржуазному мракобесию» и «нездоровым сенсациям». Тем не менее и в Советской России нашлись люди, полагавшие, что занятия оккультизмом могут способствовать укреплению социалистической государственности. Эти люди создали специальный отдел ОГПУ-НКВД, который стал базой для проведения оккультных экспериментов под непосредственным руководством чекистов.

Специальный отдел, возглавляемый заслуженным большевиком Глебом Ивановичем Бокием, пользовался автономией. Это значило, что Бокий передавал информацию непосредственно в Политбюро, минуя руководство своего ведомства.

В декабре 1924 года Г. Бокий познакомился с Александром Барченко, сотрудником Института мозга в Петрограде и организатором экспедиции на Ловозеро, где он обнаружил развалины древних сооружений и считал, что отыскал легендарную Гиперборею. Когда зимой 1924 года после доклада на коллегии Бокий и Барченко разговорились, последний сказал фразу, изменившую жизнь обоих собеседников: «Контакт с Шамбалой способен вывести человечество из кровавого тупика безумия той ожесточенной борьбы, в которой оно безнадежно тонет!..»

Через несколько дней на конспиративной квартире собрались люди, близкие лично ему – Москвин, Кострикин, Стомоняков, для того чтобы создать московский центр «Единого трудового братства», тайной эзотерической организации во главе с Александром Барченко.

Официально Александр Барченко числился сотрудником 1-го научно-технического отделения ВСНХ и якобы занимался исследованиями гелиодинамики и лекарственных растений. Свои лабораторные опыты он совмещал с должностью эксперта Бокия по парапсихологии. Барченко выступал также консультантом при обследовании знахарей, шаманов, медиумов и гипнотизеров, которых активно использовал в своей работе спецотдел. Методика Барченко применялась и в особенно сложных случаях дешифровки вражеских сообщений. В таких ситуациях проводились даже спиритические сеансы (!).

По-настоящему же большим проектом из тех, которыми руководил Барченко, стала организация экспедиции в Шамбалу, которая должна была отправиться в Афганистан и Сынцзян в конце лета 1925 года.

Александр Васильевич вспоминал: «При содействии Бокия мне удалось добиться организации экспедиции в Афганистан. Экспедиция должна была побывать также в Индии, Сынцзяне, Тибете. На расходы Бокию удалось получить около 100 тысяч рублей (по тогдашнему курсу – 600 000 долларов!)». Базой для подготовки экспедиции стала арендованная спецотделом дача в подмосковном поселке Верея.

Ловозерские тундры

К концу июля 1925 года приготовления в целом были завершены. Бокий сообщил наркому Г. Чичерину, что документы членов экспедиции давно лежат в визовом отделе посольства Афганистана, и уже назначена дата отъезда. Чичерин удивился такой поспешности и поинтересовался, согласованы ли планы экспедиции с начальником разведки Михаилом Трилиссером. Бокий ответил, что еще на коллегии в декабре проинформировал Трилиссера о плане этой операции и заручился его поддержкой.

Это заявление насторожило Чичерина, и он, позвонив начальнику разведки, пересказал разговор с Бокием. Трилиссер был взбешен и попросил Чичерина отозвать свое заключение. Несмотря на то что Бокий пользовался прямой поддержкой Дзержинского и некоторых членов ЦК, Трилиссер и Ягода договорились о совместных действиях по блокаде экспедиции. Тогда же они встретились с Чичериным и заставили его отказаться от ее поддержки.

Не удалось утвердить этот проект и позже.

«Железный Феликс» скончался от инфаркта. Такой поворот событий похоронил планы начальника спецотдела и Александра Барченко.

В дальнейшем с упрочением власти Сталина все более менялась внутренняя и внешняя политика советского государства. 7 июня 1937 года Глеб Бокий был вызван к наркому внутренних дел Николаю Ежову. Новый шеф потребовал от него компрометирующие материалы на некоторых членов ЦК и высокопоставленных коммунистов, которые Бокий собирал с 1921 года по личному распоряжению Ленина (так называемая «Черная книга»). При этом Ежов заявил Бокию, что это «приказ товарища Сталина». Бокий на это вспыхнул: «А что мне Сталин?! Меня Ленин на это место поставил!» Эти слова стоили ему очень дорого – домой он уже не вернулся.

Вслед за Бокием сотрудники НКВД арестовали и других членов «Единого трудового братства»: Александра Барченко, Ивана Москвина, Евгения Гопиуса, Федора Эйхманса. Все они были расстреляны.

Материалы исследований Барченко длительное время хранились в кабинете Бокия. Летом 1937 года Евгений Гопиус вывез к себе на квартиру ящики, в которых хранились папки из лаборатории нейро-энергетики. Но и он не избежал расстрела, а документы пропали после обыска.

(По материалам А. Первушина)

Исчезнувшая казна азиатской дивизии

Вот уже более 70 лет не поддается разгадке тайна пропавшей казны Азиатской дивизии, одного из легендарных кладов времен Гражданской войны.

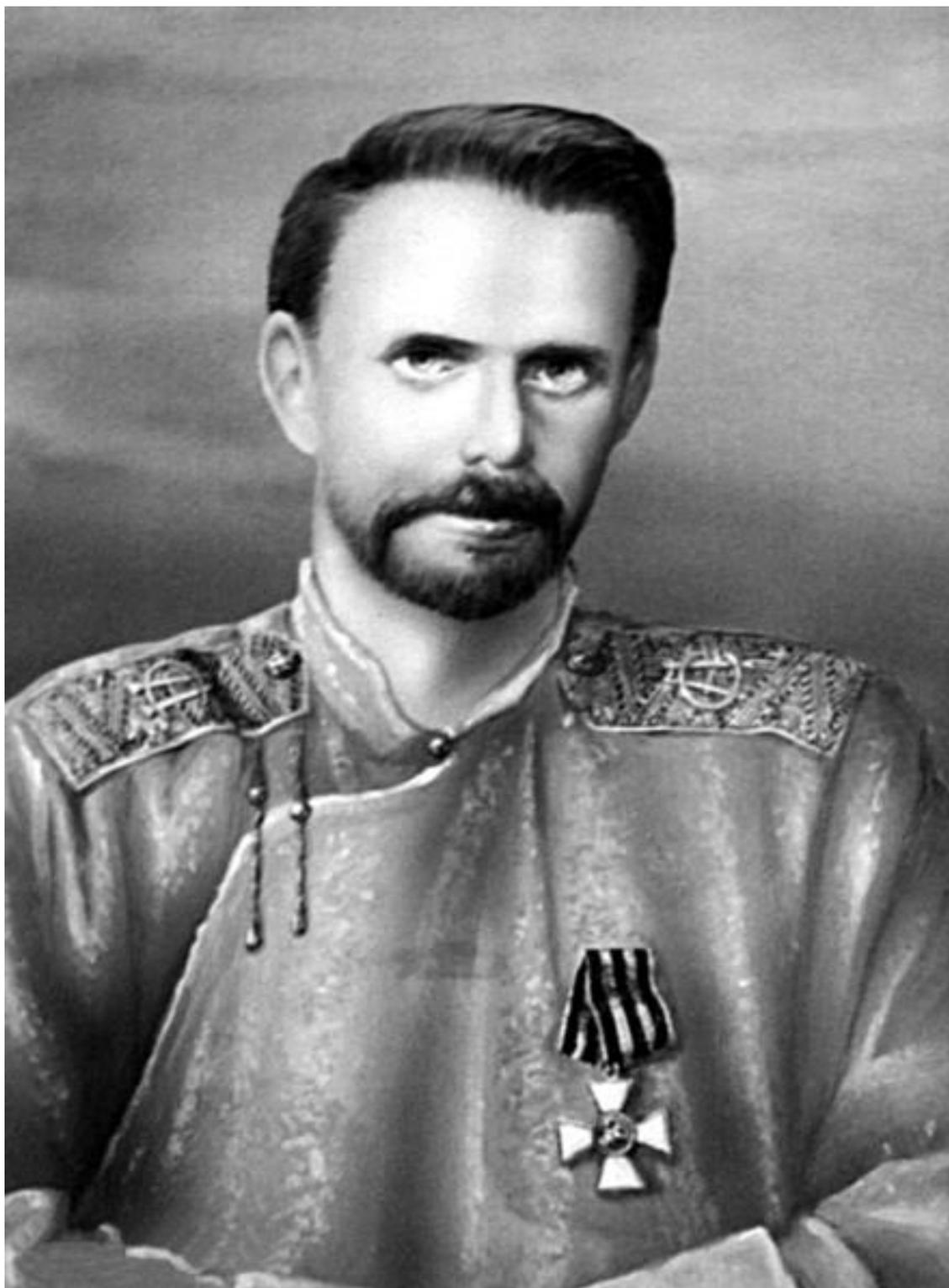
Начало этой истории относится к лету 1917 года, когда Роман Федорович Унгерн фон Штернберг отбыл из Петрограда в Забайкалье в качестве эмиссара Керенского, чтобы укрепить среди казаков доверие к Временному правительству. Обратного барона не вернуло. Он стал сподвижником атамана Сибирского казачьего войска Г. М. Семенова, считавшего себя преемником «Верховного правителя Российского государства» адмирала Колчака. Атаману тоже не повезло: разбитый Красной армией, он бежал в Маньчжурию.

Но Унгерн продолжал борьбу. В начале зимы 1920 года конная Азиатская дивизия, сформированная им из казаков, монголов и бурятов, вторглась в оккупированную китайцами Внешнюю Монголию. Пока растянувшаяся на многие километры армия барона медленно продвигалась по безводной желтой степи, сам он во главе передового отряда вышел к монгольской столице Урге. Он верил, что со взятием Урги начнется осуществление его грандиозного плана создания собственной империи, которая будет простираться от Тибета до тунгусской тайги.

Барон Унгерн объявил себя защитником желтой веры. И даже торжественно принял ее, пройдя церемонию посвящения в буддистском монастыре.

Когда Унгерн освободил императора буддистов Богдо Гэгэна из китайского плена и после захвата Урги вернул ему власть над всей Монголией, в Узун-хурэ благодарный властитель пожаловал генералу титул вана, а вместе с ним четыре высшие привилегии: право иметь желтые поводья на лошади, носить такого же цвета халат и сапоги, ездить в зеленом паланкине и прикалывать к фуражке трехточное павлинье перо.

Пятую привилегию «Облаченный в желтое, Направляющий свой путь желтым», как витиевато назвал Унгерна император, барон присвоил сам себе: забирать в казну своей Азиатской дивизии все отбитое у китайцев золото, поскольку это был желтый металл. В числе других трофеев туда попала и метровая статуя Будды из чистого золота. Из сохранившихся финансовых документов следовало, причем взятые в плен штабные офицеры Унгерна подтверждали это на допросах, что касса дивизии действительно располагала огромными суммами как в денежной наличности – в основном в золотых монетах русской чеканки и в китайских, серебряных, так и в драгоценных камнях. Эти деньги предназначались на текущие нужды и выплату жалования. Но значительно большую часть наличности составляла контрибуция, собранная с монголов китайцами якобы за неуплату долгов купцам и ростовщикам из Поднебесной, в сумме около 15 миллионов рублей в царских золотых. Их Унгерн считал своим личным капиталом, которым мог распоряжаться по собственному усмотрению.

Р. Ф. Унгерн. Неизвестный художник

Но обратимся к 1921 году. Как это ни парадоксально, взятие Урги стало предвестником конца Романа Федоровича Унгерна. В осуществление своего стратегического плана он решил совершить марш на север: поднять казачьи станицы, провести мобилизацию в бурятских улусах, выгнать красных из Верхнеудинска, дойти до Читы и договориться с японцами. Затем повернуть коней на юг, разгромить китайцев, занять тибетские монастыри и договориться с англичанами. После этого барон намеревался воткнуть свой бунчук среди развалин

Каракорума, древней столицы монголов, и воздвигнуть на этом месте столицу своей будущей империи.

Против Азиатской дивизии были брошены регулярные части Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Через неделю сам Унгерн, столкнувшийся в ночном бою с частями Народно-революционной армии и партизанами Щетинкина, ушел обратно в Монголию, куда за ним последовал экспедиционный корпус 5-й армии под командованием большевика Писарева.

Вторую неделю барон вел свой отряд на запад. За это время дважды нагоняли их партизаны Щетинкина и оба раза теряли снова.

Но как профессиональный военный Унгерн понимал, что на сей раз задуманный освободительный поход против красных не удался. Значит, сейчас главное уйти от погони и сбросить казну, чтобы потом было на что снарядить новое войско: закупить оружие и боеприпасы, продовольствие, лошадей, фураж, выплатить жалование солдатам.

Унгерн вызвал к себе подьесаула Ергонова, бурята, командовавшего эскадром его личного конвоя, и долго инструктировал. Поставленная генералом задача была очень трудной, если вообще выполнимой. Предстояло доставить в Хайлар, а оттуда поездом в Харбин 24 ящика, в каждом из которых было три с половиной пуда золотых монет, а также обитый железом семипудовый сундук барона. В случае явной опасности захвата их следовало надежно укрыть. Для этого Унгерн указал на карте несколько подходящих мест на пути следования.

Чтобы дать отдых едва переставлявшим ноги коням, в сопках отряд Унгерна расположился на дневку. Поели, не разводя огня, выставили часовых и легли спать. Ночью барона покинули последние казаки. А чахары, посоветовавшись, под утро связали своего вана, бросили его поперек седла и не спеша поехали навстречу 35-му кавполку, который уже замаячил на горизонте неровной цепочкой головного эскадрона.

Барона Унгерна увезли в Иркутск, а затем отправили в Новониколаевск (теперешний Новосибирск). Там за него взялись чекисты. Но Унгерн молчал. Его передали в Сибирский ревтрибунал, который приговорил его к «высшей мере социальной защиты» – расстрелу. 15 сентября 1921 года председатель Сибирской ЧК Иван Павлуновский собственноручно привел приговор в исполнение, выстрелом в затылок прикончив генерал-лейтенанта Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.